

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

S-T-I-K-S

СУЩЕСТВОВАНИЕ

S-T-I-K-S

Артем Каменистый

S-T-I-K-S. Существование

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Каменистый А.

S-T-I-K-S. Существование / А. Каменистый — «Эксмо»,
2018 — (S-T-I-K-S)

ISBN 978-5-04-097419-1

Восемь лет в клетке. Восемь лет нескончаемой боли и полной беспомощности. Восемь лет мучительных издевательств и слез, которые не способны смочить пересохшие глаза. И вот он – миг свободы. Как и полагается мигу, он краткий, дальше не будет страданий, дальше смерть от рук тех, для кого ты – всего лишь развлечение, редкий кадр для альбома. Но даже мига достаточно для того, у кого не осталось ничего, кроме злости и жажды мщения, и кто легко может превратиться из дичи в самого страшного охотника S-T-I-K-Sa...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097419-1

© Каменистый А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Артем Каменистый
S-T-I-K-S

Существование

© Каменистый А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

S-T-I-K-S

Глава 1

– Не, ну ты только посмотри на него. На что это похоже?
– В смысле, мордой? Копия твоей бывшей.
– Слышь, клоун, ты задрал уже. Я серьезно.
– Если серьезно, он похож на жареную котлету.
– Во-во. И он реально не подох. Да он, получается, не просто урод, он, блин, урод бессмертный.

Звуки. Нехорошие звуки. Звуки, от которых хочется съежиться в комок, или даже больше – в крохотную точку, а лучше вообще перестать существовать. Звуки связаны с чем-то невообразимо скверным, но с чем именно – непонятно. Не получается вспомнить.

И даже не хочется вспоминать.

– Давай еще разок его шваркнем? Четко он дымится.

– Да уймись ты уже, хватит с него, давай просто посмотрим, как и что с ним дальше будет. Нормально получилось, башка дымится, а сам живой. По ходу, ослеп, глаза вообще никакие, закатившиеся.

Это не просто звуки, это голос. Два голоса. И он понимает каждое слово, но при этом не видит в них ни малейшего смысла.

Голоса? И кто же это говорит? Надо посмотреть.

– Не, ну ты погляди на его глаза. Да это ж охренеть!

– И чего я там не видел?

– Да ты глянь, зрачки меняются. Ну ты понял? У нашей котлеты зрачковый рефлекс заработал. Похоже, нервы припекло, конвульсивное сокращение пошло. Полный овощ, у него, считай, только легкие и сердце сами пашут, без стимуляции. Но овощ нереально живучий, восемь лет его режут и пилят, на хлопьях и метаноле держат, а он все не подыхает.

– И че, реально восемь лет, вот так, кучей дерьма провалялся?

– Я тебе что, врал когда-нибудь? Сам посмотри в журнале, если буквы еще не забыл.

– Да он и правда бессмертный какой-то. Вот же урод, и глаза у него уродские. Не, давай еще раз шваркнем, он как-то хреново на меня косится.

Голый бетон стен и потолка, местами на нем проступают ржавые разводы. Сыро и сумрачно. Краем зрения задевая пару переговаривающихся фигур, он не может разглядеть подробности. На глаза будто пелена опустилась, она прозрачная лишь частично, почему-то позволяет прекрасно видеть, что располагается впереди, а вот по бокам все размывается.

Надо попробовать повернуть голову. Что-то подсказывает – из этой затеи ничего не выйдет, он даже было ухватился за ниточку, которая могла привести к воспоминанию о прошлом, но тут же ее упустил.

Ему надо вспомнить хоть что-нибудь. Кто он такой? Что это за место? Почему он почти ничего не видит? По какой причине голова раскалывается от нестерпимой боли, волнами накалывающей от пылающего жарким пламенем затылка?

Он не помнил абсолютно ничего, но при этом понимал каждое слово, высказанное людьми, которых тщетно силился разглядеть.

Людьми? А кто такие люди?

Почему голова отказывается поворачиваться? Такое впечатление, будто ее в тиски зажало.

И что такое тиски?

Слишком много разных вопросов. Безответных.

– Да убери ты эту хрень, сказал же – хватит с него.

– Ну разок-то можно? Ты чего как неродной, жалко стало, что ли?

– Сказано тебе – убрал! Живо убрал! Угомонись, пока опять под залет не попали. Да задрал ты меня уже – косяки твои, а вешают на нас. Ты что, всю жизнь собрался в этой заднице проторчать?

– Ты реальную задницу не видел еще, как по мне, здесь почти норма.

– Ну и сиди здесь, если так нравится, но на меня не рассчитывай, я отсюда быстро свалю.

– Что вы здесь делаете? – голос новый, строгий, громкий, уверенный.

– Да ничего, просто Трэша проверяли, – ответили торопливо, лебезя. – Дежурный обход, вот, посмотрим, надо все проверить.

– Трэша?

– Ну, в смысле, особь двадцать четыре сто шесть, проект «Веган».

– С каких это пор он стал Трэшем?

– Да мы его так между собой называем, по-простому. Раньше Випом был, он ведь вроде как особо важная персона, сами знаете, откуда к нам попал. Все серьезно. Ну а потом стал Веганом. Ему ведь мясо вообще не давали, даже когда судороги начались и пена из пасти пошла. Но как подросток, Трэш прилипло, он ведь реально трэшевый¹.

– И что вы с ним такое вытворяли? А? Почему от него горелым несет?

– Так мы это... Ну... обход же...

– Ну-ка, что тут у нас... Да вы совсем рехнулись?! Какой недоделок дал вам наряд на эксперименты с электрошоком?!

– Да все нормально, мы тут часто с ним так делаем, он после только спит крепче. – Ответ оправдывающегося был торопливым, заискивающим, а голос спрашивающего наполнился негодованием от слова к слову.

– Постоянно?! Да вы что – совсем с головами дружить перестали?!

– Ну так это... Электроды тут так и стояли, вчера ему еженедельный шок делали, снять забыли. Ну и мы как бы по привычке...

– По привычке?! – перебил уже откровенно взбесившийся голос. – Да какой недоделанный дебил надоумил вас, баранов тупоглазых, переставить электроды на затылок?! Вот, полюбуйтесь, посмотрите, что вы с ним сделали! Сюда смотрите, чего рожи отворачиваете?! Да вы не люди, вы ошибки природы. Скажите-ка, что мне теперь с этим делать?! А с вами?! Может, на полевую работу отправить?! У нас как раз некомплект, в понедельник половину группы твари сожрали, а оставшихся планируют сожрать в ближайшее время. Вы очень удачно впишетесь в состав, жаль только, что ненадолго.

– Да ничего не будет, сами знаете, какое оно живучее. Да у него регенерация девяносто восемь баллов, восемь лет тренировался восстанавливаться, он быстро очухается.

– Господи, да с кем я сейчас говорю! Вы что, вообще ничего не соображаете?! Вы сейчас кто?! Вы младшие научные сотрудники или жертвы генетической ошибки?! Да здесь не одна, здесь десятки ошибок по вам прошли! Слушайте, а почему бы вам не пожениться? А? Ведь получится отличная семейная пара недоумков. Мне бы сейчас машину времени да пару презервативов и слетать к вашим папашам-алкоголикам. Кретины вы беспомощные. Вот вы можете мне назвать хотя бы одно великое научное открытие, сделанное крестинами? Или хоть какое-нибудь, хрен с ним, с величием? Не можете, потому что такого никогда не было и быть не может. Получается, таким, как вы, в науке делать нечего. Все поняли? Так что прямо сейчас готовьтесь к переводу в службу, с глаз моих долой.

– Но господин Кант, прошу прощения, но мы ведь не специально. Так получилось.

¹ Трэш (от англ. trash – мусор) – в данном контексте – направление современного искусства, отличающееся намеренной вульгарностью и примитивнейшей пародийностью. Главным образом, подразумевается кино, переполненное штампами, в том числе низкобюджетные фильмы, где сюжет в основном заключается в жестоком уничтожении всех или большей части героев картины разного рода психопатами, неправдоподобными мистическими сущностями, дешево выглядящими монстрами и пр.

– Ну да, конечно, этот кусок гнили прогулялся немного и решил поджарить себе затылок, а вы, получается, просто мимо проходили. За кого вы меня держите, а? Да среди нас всего два идиота, и я точно не один из них.

– Никогда такого не было, первый раз. Я сам в шоке, как такое вообще могло получиться. Нормально же всегда все было. Может, ему витаминов не хватает или, там, дефицит кальция, вот и прожгло мешок.

– Если вам, дегенератам, так не терпится кого-нибудь поджарить, надо хотя бы для приличия проверять выставленное напряжение! Вы же оба реостата выкрутили до отказа! Оба! Да вы нас чуть без света не оставили, гниды одноклеточные! Оба в службу пойдете тухлятину граблями таскать, если ваш Трэш подохнет! Что вы, вообще, себе позволяете?! О чем вы, извращенцы, думали, когда это делали?! Вот-вот подъедет полковник с новой группой залетчиков, а тут у нас цирк с бесплатными клоунами. И что прикажете им говорить?!

– Ну так это даже лучше. Как увидят, так сразу и дисциплинируются.

– Шутки шутишь? Ну шути-шути... В службу. Оба. На швабры и тухлятину. А если полковник что-то скажет, одно его слово, единственное слово, всего одно, и вы на полевые работы уйдете. Не, какие, на хрен, работы. Сразу на филиал. Сразу! Все поняли? И радуйтесь, если дело ограничится филиалом не выше шестого. У нас тут как раз на двенадцатом чудесные новости, он занял первое место в номинации «Жопа всех жоп». У них, говорят, дерьмо разгребать некому. Там вы сами тухлятину жрать научитесь. Быстро научитесь, да. Там вы, уроды, еще и добавку кланчить будете. Марш с глаз моих долой!

* * *

Лебедка со звоном наматывала цепь, заставляя решетку подниматься вертикально. Трэш, продолжая пытаться что-то рассмотреть через уже слегка прояснившуюся пелену, понял, что его тело меняет положение. Вот-вот ноги окажутся под потолком, а макушка усядется вниз.

В голову, само собой, прилила вся кровь, и это плохо, это усилило боль в затылке до такой степени, что Трэш не выдержал и застонал. Но из груди вместо стоны вырвалось нечто другое: утробное хрипловатое урчание, звук омерзительный и неожиданно гулкий, будто из пустой бочки раздавался.

Что-то не так. Это откровенно чужой голос. Его глотка не способна извергать подобное. Не может такого быть.

Хотя откуда ему знать? Точно неизвестно, лишь какие-то неуловимые отголоски воспоминаний мелькают. Не исключено, что это как раз вполне естественно.

Память о себе так и не возвратилась, поэтому предполагать можно что угодно.

Послышался новый звук – в тело ударила тугая ледяная струя, делавшая все, к чему прикасалась, мокрым и холодным. На голову обрушились потоки воды, Трэш начал жадно захватывать ее непослушными, еле-еле шевелящимися губами, пытаясь погасить огонь, так и не затухший на затылке. Но ничего не получалось, мышцы отказывались подчиняться.

Холод неожиданно усилил боль, Трэш снова и снова начал исторгать омерзительное урчание. Терпеть такие издевательства невозможно, от невыносимой муки захотелось вцепиться зубами в цепи, управляющие решеткой.

Но как это сделать, если хотя бы чуть-чуть сдвинуться с места не получается. Да у него даже губы и язык каменные, будто чужие.

Однако имеется в происходящем несомненный плюс – после того как вода прошла по глазам, зрение значительно улучшилось, и Трэш наконец сумел разглядеть фигуру человека со шлангом. Безобразно толстый, давно небрит, щетина засаленная и растет невзрачными клочками. От воды тело защищено замусоленным фартуком и высокими резиновыми сапогами. Со стороны грузной фигуры несет воню не дружащего с гигиеной тела, залежалым мясом и...

И страхом. Оказывается, у страха тоже есть запах, и Трэшу он откуда-то знаком.

Голова закреплена во все тех же тисках, ее не развернуть ни на миллиметр. Но и без этого понятно, что тело надежно приковано к решетке, ни ногой, ни рукой не пошевелить, даже мышцы в конечностях отказываются сокращаться. Положение болезненное и до крайности неудобное, поэтому улучшившееся зрение не помогает разглядеть подробности места, где Трэша истязают холодной водой и ржавыми цепями. Все те же бетонные стены со всех обозримых сторон, двустворчатые широченные двери, скорее даже – ворота гаража для грузовиков, запыленные светильники в две линии на потолке, причем горят далеко не все. Непонятно, что за место и где оно расположено. С равным успехом это может оказаться подсобным помещением какой-то фабрики или секретным бункером, укрытым на глубине в десятки метров.

Очень хотелось попросить вернуть тело в прежнее – горизонтальное положение. Но из головы почему-то вылетело все, что касается связной речи. Нет, Трэш прекрасно понимает значения слов, но вот как их произносить – понятия не имеет.

Обе дверные створки распахнулись, на пороге появилось несколько фигур. Две в белых халатах, грязных и мятых, одна в чистом и забавно выглаженном – до тщательно выверенных, острейших стрелок по бокам, и четыре человека во всем зеленом и пятнистом, увешанном металлом. Последние одинаково рослые и широкоплечие, головы скрываются под прозрачными масками, оснащенными массивными фильтрами.

Первый из зеленой четверки недовольным и чуть измененным тонкой пластиковой преградой голосом произнес:

– Почему здесь так сыро? Вы что, решили заняться разведением плесени?

Надо же, оказывается, неудобная с виду маска почти не мешает ему разговаривать.

Человек в чистейшем белом халате указал на неряшливую парочку:

– Прошу прощения, это наши Чип и Дейл опять отличились. Решили посмотреть, что получится, если приложить подопытному электроды к затылку. Естественно, не поставив никого в известность и даже не представляя, чем напряжение отличается от силы тока. Жаль, что перед этим на себе не испытали, мир стал бы немного чище.

– И что же вышло из... из их смелого эксперимента?

– Первым делом подопытный обделался, поэтому пришлось его мыть, отсюда и сырость. Но главная проблема не в этом. Полковник Зелот, вы только полюбуйтесь на его затылок. Это надо видеть.

Все группа обошла решетку и там остановилась, разглядывая Трэша со спины.

Несколько секунд царила тишина, в которой отчетливо можно было расслышать, как падают капли из поникшего шланга и противно жужжит жирная муха, залетевшая в плафон самого дальнего светильника.

Затем полковник с отстраненным интересом проговорил:

– Не понимаю, почему существо до сих пор не подошло. Даже удар тонким ножом в эту мерзость в большинстве случаев убивает их мгновенно, а тут такое...

– Очевидно, повреждения не настолько серьезные.

– Омар, я вижу, что в затылочном мешке выжгло дыру калибром в полтора дюйма, и не могу даже представить, какое напряжение приложили к электродам, чтобы получился такой результат.

– Не столь уж и много требуется, ткани паразита уязвимы против электричества. Это касается, в том числе, и оболочки спорного мешка.

– Я здесь не первый день и знаю, что твари с такими повреждениями всегда мертвые, а их мешки выпотрошены дочиста местным отребьем. Собственно, отсюда и дырки, как-то ведь надо добираться до ценной сердцевины. Может, в этом все дело? Кто-то из ваших людей загорелся желанием легко разбогатеть?

– У нас даже уборщики знают, что мешок у этой особи пустой. И также знают, как их накажут, если они надумают потрошить подопытных.

– Вот и хорошо, что знают. Доктор Омар, будьте добры, оставьте нас ненадолго. И забейте всех своих сотрудников.

Звуки шагов. Уходят три человека. Трэш не понимал, откуда узнал их количество, но сомнений в точности подсчетов не было. А вот и подтверждение – в поле зрения появились фигуры в белых халатах, направляющиеся к дверям. Получается, остались зеленые в масках.

Тот, которого называли полковником Зелотом, выждал долгую паузу и, оставаясь за спиной, в непросматриваемой зоне, раздраженно произнес:

– У меня язык судорогой сводит, когда называю доктором этого шарлатана и садиста.

Послышались неискренние смешки, после чего полковник рявкнул:

– И что здесь такого веселого?!

– Ничего, господин полковник! – четко гаркнули в три голоса.

– Вот видите, слаженно ответили. Получается, умеете вести себя как спаянное подразделение, а не скопище моральных инвалидов, если захотите. Если говорить так, как есть, придется признать, что Омар имеет право называться доктором, он действительно имеет отношение к медицине. В не таком уж далеком прошлом – знаменитый человек. Разумеется, я говорю о том, что было до того, как он оказался не в том месте и не в то время. Здесь, как видите, его статус печален, что неудивительно, когда связываешься с такими отбросами. И, кстати, капрал Финч, скажите мне, что вы видите перед собой?

– Я вижу перед собой цель, господин полковник!

– Мальчик, а из тебя ведь и правда может получиться толковый солдат, а не кусок мяса, который этот мирок прожует и не станет выплевывать. Да, верно, перед тобой и правда цель. Скованная по верхним и нижним конечностям, с перебитыми нервными путями, со штырем в спинном мозгу и насквозь пропитанная парализующим ядом. К тому же оно уже не первый год погибает от особой местной лихорадки, связанной с долгим пребыванием в одном месте, но почему-то так и не загнулось. Более того, оно выглядит, как вы видите, опасным. Однако восемь лет назад все было иначе. Думаю, вам известна печальная история, когда солдат не сумел стать полноценной частицей нашего подразделения. История короткая, смерть здесь не оставляет шансов для тех, кто так ошибается. Посмотрите на эту цель и вспомните все, что слышали об этой истории. Не смотрите на меня взглядами девственниц из борделя, я ведь прекрасно знаю, о чем вы шепчетесь по углам. И, кстати, поаккуратнее с темами для шепота, ведь услышать могу не только я. Вы мои солдаты, я ваш командир, все, что происходит в подразделении, никогда не уходит за пределы подразделения или уходит такими путями, которые вам не понравятся. Посмотрите как следует на эту особь. Это не жизнь, это существование, и началось оно с того, что умники, вроде доктора Омара, определили нового подопытного в проект «Веган». Это означало, что они полностью игнорировали пищевые пристрастия подопытных и их физиологию. Кормили своих уродов сырым картофелем, консервированными бобами и слегка разваренными крупами, всякий намек на мясо, рыбу и молочные продукты исключался. Если верить записям этих шарлатанов, всего через проект прошло почти восемьдесят особей, из них больше месяца прожила лишь одна. Вот она, перед вами. Восемь лет, уже целых восемь лет эта тварь жрет кашу без масла и соли, давится гнилым картофелем, который перед этим даже не чистят, а по большим праздникам дают попробовать бобы. Сама природа этих тварей требует мясного питания, но его не было. Все прочие быстро передохли от тоски, но в ее случае этот гребаный мир почему-то решил, что она так просто не отделается. Несмотря на такую кормежку, особь не просто не подохла, она еще и продолжала развиваться. Возможно, сказывалась нестандартность исходной ситуации. Росла она, на таком питании, не настолько быстро, как происходит в природе, но это тоже вызвало опасения, с этим надо было что-то делать. Рядовой Риччи, что бы ты сделал в такой ситуации на месте этих идиотов?

– Сэр, я бы выпустил пулю в шутовину на затылке.

– Они поступили оригинальнее – отрезали лапы. И передние, и задние. Как вы понимаете, это временная мера, твари Стикса подобны ящерицам, все утраченное у них со временем отрастает. Ампутацию проводили снова и снова, год за годом, что привело к непредвиденным последствиям – у подопытного скорость регенерации возросла, и он начал восстанавливаться быстрее других. Но это еще не все, вы, должно быть, слышали фразу: «Колосс на глиняных ногах» – и, если не спали на тренингах, знаете, что наиболее защищенные места зараженных – это голова и верхняя часть туловища по центру. Но твари способны к адаптации в зависимости от внешних факторов, чем и объясняется индивидуальность высших форм. Вот и эта тоже начала адаптироваться. Броня на конечностях становилась все крепче и крепче, а сами конечности с каждым разом восстанавливались все быстрее и быстрее, побив все рекорды. Обратите внимание, сейчас они кажутся чуть уменьшенными, непропорциональными. Это потому, что еще не достигли нормальных размеров. Вы видите последнюю стадию регенерации, еще неделя, и особь будет выглядеть нормальной. Взгляните сюда, видите свежий надрез? Вчера по моей просьбе один из сотрудников этого бедлама целый час работал, чтобы пропилить щель. Он сточил абразивный диск, но не углубился в костяной покров даже на сантиметр. Каково? А все потому, что восемь лет непрерывающихся ампутаций сделали свое дело. Занятный эффект, мы о нем не знали. Если попробовать то же самое проделать через неделю, диск оставит еле заметную царапину, потому что в полноценном состоянии бронирование достигает максимальных значений. А теперь взгляните сюда, на шейную пластину. Вы видите схожие повреждения, они проделаны тем же инструментом, но на работу ушло не больше десяти минут. Это следствие того, что здесь никогда не было ампутаций, организм не пытался укрепить свои постоянно подвергающиеся повреждениям части, броня осталась стандартной для особи, добравшейся до этой стадии. Возможно, даже хлипче, растительная диета – это вам не бифштексами давиться, в целом подопытные гораздо слабее своих «сверстников». Именно это я и имел в виду, когда говорил о «Колоссе на глиняных ногах». У нас получилась обратная ситуация – глина пошла на туловище, а конечности сделали из легированной стали. Такие пластины не всякая автоматическая пушка пробьет и не всяким снарядам. Я, разумеется, говорю о полноценном состоянии, а не о нынешнем.

– Вот бы мне такие пластины в бронежилет.

– Рядовой Риччи, кто тебе позволил разевать пасть?!

– Виноват, сэр! Само собой вырвалось! Мыслил вслух! Думал над повышением своей боеспособности!

– А думать тебе кто разрешал? Сынок, для того чтобы думать, сам Бог придумал офицеров. Не надо это делать, ничего хорошего не надумаешь. Ты понял?

– Так точно, сэр!

– Сынок, твоя идея так себе, эти пластины хороши лишь на живой особи. Стоит только ей испустить дух, и они сразу начинают пробиваться ржавыми гвоздями. Да, кость, или что там у них вместо нее, прочна, но не настолько. При жизни ее укрепляет что-то, чему ни наши, ни здешние умники не нашли понятного объяснения. Что-то вроде местного колдовства, в этом проклятом месте хватает самой разной чертовщины. Ладно, вернемся к нашей особи. Восемь лет диеты, от которой ее временами рвет кровью и слизистой желудка, регулярные ампутации и инъекции яда. А вот здесь и здесь вы видите клинья, они пробили тело до спинного мозга. Их периодически вращают в ранах, повреждая отдел спинного мозга, который отвечает в основном за контроль над конечностями. Особь не может даже пальцем пошевелить, она парализована, у нее недержание сфинктеров и не опускаются веки. Она даже моргать не в состоянии, поэтому глаза постоянно пересыхают. Сомневаюсь, что она способна различать что-то, кроме яркого света. Полная беспомощность, растительное существование, но при этом тварь все чувствует. Неспособна почесаться, не может соринку из глаза вытащить или хотя бы губы облизать, ее

даже кормить приходится через зонд, иначе пища в желудок не попадет. И говоря о чувствах, я подразумеваю в том числе и боль. Боли ей достается на семерых, здешние шарлатаны неистощимы на грязные выдумки. Они сверлят суставы, заливают кислоту в пропилы на броне, делают ампутации, как механическими пилами, так и газовыми резаками. Вот, полюбуйтесь, они даже до спорового мешка добрались, видите дыру?

– Сэр, они вытащили содержимое? Но почему тогда тварь жива?

– Ничего они не вытащили. От бобов, или от непрекращающихся мучений, или по другой причине, но за все восемь лет здесь не выросло ничего. Загляните в дыру, внутри все ссохлось, споровых тел нет и не было, это регулярно проверяли при помощи рентгеновского аппарата. Настоящее чудо, одно из редких открытий, которые сумели сделать местные шарлатаны, ведь раньше считалось, что при таких размерах пустых тварей не бывает. Так что наша особь – во всех отношениях уникальная. Я думаю, что все дело в причиненных ей страданиях. Восемь лет пыток и растительного существования – приличный срок, чтобы dokonать любого. Взгляните на его глаза, они сухие, они ссохлись, как подвяленный мандарин, но при этом уголки у них всегда мокрые. Понимаете почему? Да потому, что особь постоянно плачет. Вы только подумайте – восемь лет непрерывного плача, оно день и ночь оплакивает себя. Посмотрите как следует на это и подумайте, что вы предпочитаете – стать полноценной частью моего подразделения или выбрать участь, кошмарнее которой не смогли придумать все наши голливудские писаки, занимающиеся дешевыми сценариями и комиксами. Как следует подумайте.

– Тут и думать нечего, сэр!

– Капрал Финч, в таком случае мне нужен четкий и однозначный ответ – кто это сделал. Мне известно, что как минимум одному из вас известна правда. Речь не идет о соучастии, пока что я могу говорить лишь о том, что вы прикрываете человека, который опасно навредил нашему подразделению. Но учтите, что ваше молчание может все усугубить. Итак, назовите мне его.

– Это Мэнсон, сэр... – ответили неохотно, приглушенно.

– Рядовой Риччи, похвально, что ты не стал его укрывать. И на будущее всем троим хочу сказать – говорите сразу, когда я вас спрашиваю. Именно я, с другими можете юлить, если это не идет во вред подразделению. Мне уже столько раз приходилось возить таких, как вы, взглянуть на это вечно хнычущее убожество, что я давно сбился со счета. Мне не меньше, чем вам, неприятно это зрелище. Запомните – много раз смотреть на тварь могу лишь я, а вы второй раз ее не увидите, потому что второго раза не будет. Вы или часть моего подразделения, или нет. Надеюсь, все осознали, что второй вариант неприемлем. Или остались вопросы?

– Никак нет, сэр!

– В таком случае марш к машине. И позовите Омара, хочу сказать ему пару слов.

– Но, сэр...

– В чем дело, Финч?

– Надеюсь, вы не задержитесь? Ресурс фильтров, сэр.

– Фильтры – это моя забота. Противогазы – моя забота. Транспорт – моя забота. Вытаскивать ваши шкуры из всех задниц этого говенного мира – тоже моя забота. У меня тысячи забот, а у вас всего одна – беспрекословно выполнять мои приказы. Я ваш командир, вы мои солдаты. Как видите – все просто. Что-то неясно?!

– Никак нет, сэр!

– Марш в машину! И не забудьте позвать этого садиста.

Уши вновь уловили звуки удаляющихся шагов трех человек, причем это были другие люди. Трэш по-прежнему не понимал, каким образом он это определяет, но нет ни тени сомнений – он действительно умеет различать без помощи зрения. Как-то научился, несмотря на сверлящую голову боль.

Или всегда умел?

Неизвестно.

Скрип закрывающейся двери, тишина, если не считать шума дыхания оставшегося человека. Тот так и стоит за спиной, его не видно, зато слышно прекрасно, и нос улавливает запах. Неприятный запах, что-то чужеродное, щекочущее ноздри, не имеющее отношения к живому.

Или даже губительное для всего живого.

– Ну что, Нэш, наверное, не думал, что так все закончится?

Что? Какой такой Нэш, это ведь не его имя. Человек задал вопрос? Но как ответить, если из непослушной глотки не вырывается ничего, кроме нечленораздельных звуков?

Но Трэш попытался, он попробовал спросить:

– Что со мной?

Увы, вместо слов получилась все та же смесь урчания с клокотанием. Омерзительные звуки, информации в них ноль.

– Да, Нэш, жизнь – жестокая штука. Особенно она нехороша, если ты оказался в месте, где тебе совершенно нечего делать. Но ты не переживай, скоро все закончится. Я тебе не Сатана, и это не ад, хотя некоторые со мной не согласятся. Каков бы ни был твой проступок, наказание за него не должно длиться вечно, иначе в нем нет смысла. Я отпущу тебя, Нэш, потерпи немного, скоро все закончится.

Скрип двери, торопливые шаги человека. Не трое – один пришел, тот самый – в чистом белом халате.

– Господин полковник, вы меня звали?

– Да, доктор Омар. У меня к вам пара вопросов по поводу этой особи.

– Что-то не так?

– Ваш интендант жаловался, что на нее в последнее время уходит много продуктов.

– Да, так и есть. Но расход можно сократить, если отказаться от ампутаций. Тогда не придется затрачивать ресурсы на обширное восстановление, оно слишком истощает подопытного. Если вы дадите согласие, мы введем в позвоночник постоянный зонд и будем периодически разрушать двигательные центры высокочастотными импульсами. Технология отработана на других особях, сбои случаются редко, и их обычно можно контролировать. Это не отразится на болевом пороге, он будет ощущать все по-прежнему, как вы и заказывали.

– В этом нет нужды. Просто уничтожьте его.

– Простите?.. Но, господин полковник, не относитесь к этому всерьез, у нас нет недостатка в продовольствии, нам не сложно заготавливать его, сколько угодно.

– Доктор Омар, даже если бы у вас возникли проблемы со снабжением, это были бы исключительно ваши проблемы, а не мои. Мне не жаль ваших бобов и крупы, я отдаю этот приказ по другой причине. Все дело в том, что ваш подопечный стал другим, он серьезно изменился и больше не может выполнять свою задачу.

– Задачу?

– Вот именно, у него была задача, и он перестал с ней справляться. Он стал слишком большим. Слишком. В таком виде он пугает моих солдат, а их должны пугать последствия нарушений моих приказов, а не твари Стикса. Он мне больше не нужен, так что заканчивайте, достаточно с него. И подумайте насчет адекватной замены.

– Не совсем вас понимаю.

– Мне нужен кто-то страшный и жалкий одновременно, а не эта гора брони с глазами грустного маньяка.

– Я вас понял, мы попробуем что-нибудь подобрать.

– Вот и отлично, я на вас надеюсь. А что там за проблемы со стерильностью флакон-контейнеров?

– Об этом лучше поговорить на месте. И еще желательно позвать Краба, он заведует этим хозяйством.

- Ну так зовите и ведите, у меня не так много времени осталось.
- Это вас почти не задержит. Но я должен уточнить, каким способом?
- О чем вы?
- Ну... о подопытном. Каким способом нам это сделать?
- Он теперь целиком ваш. Как хотите, так и поступайте, не мне вас учить заниматься вивисекцией.

Глава 2

Тряска. Гул автомобильного двигателя. Вспышка острой боли, раздирающая хребет. Опять тряска. Опять боль. И темнота, наступившая после того, как на лицо опустили грязную шуршащую ткань, воняющую горелым пластиком и рыбьим жиром. Она очень жесткая и сильно измятая, угловатая складка время от времени елозит по глазу, это неприятно, но Трэш в такие моменты даже моргнуть не может, он такой же беспомощный, как и прежде.

С того самого момента, когда начал себя осознавать, не выдалось ни мгновения, которое обошлось бы без боли. Но, как оказалось, терпеть ее, ничего не видя и слыша непонятное, – гораздо невыносимее.

Почему Трэш не теряет сознания? Ведь нет сил это выносить, боль высосала все силы, он даже хрипеть больше не может. Но тем не менее не проваливается в спасительную тьму.

Тряска закончилась резким рывком, от которого тело дернулось настолько сильно, что Трэш все же сумел захрипеть, а грязная ткань слетела с его глаз.

В них тут же ударил свет, ярко-беспощадный. И нет возможности зажмуриться, прикрыть глаза, которые больше болели, чем что-то показывали.

Но нет, зря он на них наговаривает, кое-что они различают. Бетонный свод над головой укреплен рельсами, на краю поля зрения сереет стена, на ней чужеродно смотрится идеально белый квадрат, набранный из крупных кнопок.

Вот, собственно, и все.

Уши как работали, так и работают, слышит Трэш прекрасно.

Хотя – не факт, ему ведь не с чем сравнивать.

– Зема, это че, в натуре, за кадр?! Откуда он, такой красивый? По пути привалили?! А чего такой целый?!

– Обижаешь, Руфик, никто никого не валил. Это клиент.

– Я че-то не понял?..

– Что тебе непонятно? Не первый раз на разборку сюда разных привожу. Пациент это, из наших. Слишком много кушал, вот вырос большим.

– Да иметь меня конем! Это ж охренеть! Ну ни фиги себе у вас там пациенты. Да надо всю голову отморозить, чтобы с такими работать.

– А че их бояться? Они все паралитики, жрут в себя, гадят под себя, вот и все, что умеют.

– Да? Это как же утку под такого больного подкладывать?

– Да какие там утки, шлангом обмывают, стоя по колено в дерьме.

– Паскудная работенка.

– Обслуга занимается, мы там не при делах.

– Это как такого разбирать? Да и на кой нам вообще такое счастье нарисовалось? Тут же одна броня, я мяса вообще не вижу. Да это танк какой-то, скармливать нечего, куда такого красивого на харчи пускать?

– Его кормили хреново.

– То говоришь, что жрал много, то хреново. Как тебя понимать, вообще?! Что, этот бегемот плохо жрал?! Ну ты сказанул, Зема, ну ты повеселил, братан. На сколько он тянет? Тонны полторы будет?

– Весовщиком тебя ставить нельзя, почти на двести кило меньше дал.

– Двести? Двести, Зема, – ни о чем. Считаю, что тютелька в тютельку сошлось. Но только мяса тут и половины не будет, тощий он, доходяга какой-то.

– Говорю же, кормили плохо, в основном он на горохе сидел.

– Не гони, они такое не жрут.

– Этот жрал и добавки просил, когда ему через шланг кашу заливали.

- Это сколько за раз гороха смолотить может?
- Два ведра влегкую.
- Два ведра? Это сколько же от него потом копотит. А чего у него ручонки короткие?
- Ему их режут каждый месяц, еще не доросли до нормы.
- На фига режут?
- А чтобы в носу не ковырялся.
- Гы-гы-гы. Блин! Зема!
- Чего?
- Оно смотрит! У него зрачок двигается!
- Ну и что?
- Так оно че?! Живое?!
- Конечно, живое.
- На кой ты его живым привез?
- Я же просто водила, мне какого загрузили, такого и привез.
- А если трос порвет?!
- Не суетись, у него хребет перебит, видишь, штыри торчат. Перфоратором пробивают каждую неделю и что-то там подрезают, а потом эти штуки загоняют, чтобы не заросло. И еще вон, видишь дыру? Там у него артерия, в нее колют гадость, от которой у них все отнимается, полный паралитик получается. Получается, он без рук и без ног, хребет перерезан, да еще и ядом обколот – гарантированный овощ.
- Ну вы там и умники, охренеть. Привезли элиту пробитую, да еще и живую. Вот на кой она нам тут живая нужна? Мы тут, на филиале, не садисты, как ваши, у нас все по-честному.
- Да это Чип поспорил с Дейлом, что ты, когда такого клиента увидишь живым, обделаешься жидким. Видишь, Чип выиграл.
- Хрен ты угадал, вот, нюхни штаны, лишним не воняют. Можешь даже лизнуть, гы-гы-гы.
- Руфик, а что это у вас за ворота новые?
- Да все ништяк ворота. Броня четкая, миллиметров сто.
- Ты гонишь.
- Ни хрена я не гоню. Веника знаешь?
- Ну?
- У него из руки получилась грампластинка.
- Ты че несешь?
- Прапор мешок через плечо несет, а я, как есть, говорю. Венику эти ворота на руку уронили, когда устанавливали.
- Да ты что?
- Я тебе говорю, на моих глазах. Была рука, и хлоп – не рука, а, блин, диск «Битлз» какой-то. Теперь левой лысого гоняет, полное освобождение от нарядов. Видишь кнопки? Пять, два, два, пять жмешь, и плита сама в сторону катится. Четко все, как в бункере у президента.
- Сама в сторону уезжает? Значит, тонкая.
- Не, толщина там о-го-го, еле поставили. Такую танком не прошибешь.
- На западе такие клиенты водятся, что эту плиту одной лапой скомкают и выбросят, как фантик от сладкой конфетки. Сам знаешь, от какой конфетки.
- Зема, ты это че? Меня в конфеты записал?
- Ну а для кого еще этот фантик?
- Шутник.
- Никаких шуток, матерую элиту такой ерундой не остановить, она с танков башни сносит.

– Здесь такие не водятся. Сам знаешь, что всех серьезных внешние отстреливают с ходу, разгуляться им не дают.

– Постучи по дереву и сплюнь три раза. Здесь хватит и одной, если пропустят.

– Зема, так у клиента мешок, получается, не спустили?! Да вы там совсем с башкой не дружите, тут же добра на год красивой жизни!

– Губу на место закатай.

– Я не для того ее раскатывал.

– Закатывай-закатывай, пустой он.

– Это как пустой?! Ты че?!

– А ниче. Вот такой он вырос – совсем пустой. Говорю же, кормили его плохо, с гороховой кашки жирок хрен нагуляешь.

– Это не радует. Такой видный клиент и бестолковый. В натуре понты.

В поле зрения показалась ладонь, остро воняющая застарелым потом и нефтепродуктами. В ее пальцах был зажат дымящийся окурок, который в следующий миг с шипением вонзился в глаз.

– Зема, ты гляди, клиент даже не моргает.

– Говорю же тебе, овощ он. Можешь хоть сесть ему на рыло, не укусит.

– Да ну, стремновато как-то. Ты только погляди на его хлебoreзку, такой если хватанет, на белого друга нечем присаживаться будет.

– Не хватанет, он даже языком пошевелить не может. Ему перед дорогой еще метанола со жмыхом от живца в кровь залили.

– На фига?

– Для них жмых – это чистый яд. Слабыедохнут, а такие шевелиться не могут, только слезы пускают. Вон, гляди, глазища какие мокрые.

– А метанол на хрена?

– У них от этого болевые ощущения усиливаются, зрение вянет и вялыми становятся.

– Мыдохнем от него, как мухи, а у них, значит, просто боль лучше чувствуется и хреново себя чувствуют? Да тут реально страшно жить.

– У них не просто усиливается, у них от любой царапины слезы литься начинают. Вон, плачет, скотина, больно ему.

– А чего ты его как мужика называешь? У нас таких зовут тварями, ну или просто «оно».

– Да там длинная история. Пиво есть?

– Для тебя, может, и найду.

– Пошли, раздавим по паре, пока разгрузят, расскажу. Там история – полный отпад, я первый раз когда услышал, челюсть до асфальта уронил.

– Да ты че?

– Я тебе говорю. Думал, ты знаешь, ведь у нас все ее знают.

– Ну так то у вас, в центре, а мы – филиал, до нас пока новости дойдут, их три раза переврут.

* * *

Человек, склонившийся над Трэшем, был неряшливо небрит, кожа лица усеяна крупными порами, похожими на следы проколов от огромной иглы, глаза серые, тусклые, без тени эмоций, будто подтаявший в солнечных лучах лед на грязной луже. Воняло от него ядреной смесью запахов табака, грязного тела и чего-то кислого, омерзительного, почему-то заставлявшего задуматься о смерти.

Вот, собственно, и все, что можно сказать об этом незнакомце. Трэш, лежа лицом кверху, не мог разглядеть даже его одежду, взгляд скосить по-прежнему не получалось.

Небритый, выпустив струю удушающего дыма, небрежно погасил окурок, вкрутив в глаз Трэша. Видимо, здесь так принято, и не сказать, что традиция из приятных. На фоне боли, раздирающей тело, – ерунда, но, разумеется, хотелось бы обойтись без таких грубостей.

Вот только выбора у Трэша нет.

– И что же мне с тобой делать, мальчик? – поразительно добрым голосом поинтересовался небритый.

Трэш, естественно, ничего не ответил. И, откровенно говоря, пробудись у него сейчас дар речи, он бы, пожалуй, тоже промолчал.

Просто непонятно, что тут можно ответить.

Небритый зачем-то с силой постучал по глазу костяшками пальцев, чем вызвал серию вспышек боли и помутнение, после которого Трэш почти перестал видеть на одну сторону.

– Какой крепкий мальчик, – безмятежно улыбнулся мужчина и отстранился, исчезнув из поля зрения.

Некоторое время Трэша никто не трогал: не тушил окурки о глаза, не стучал по лицу острой стальной киркой, проверяя на прочность, как те недобрые люди, которые выгружали его из кузова. Счастьем такое спокойствие не назвать, но он начинал привыкать радоваться даже таким мелочам.

Других поводов для радости пока что не наблюдалось.

Самые разные звуки, то и дело раздававшиеся со всех сторон, затмил в один миг возникший механический рев и звон металла. Затем тело его начало мелко дрожать, ноздри уловили омерзительный запах, почему-то вызвавший ассоциацию со смрадом горелых волос.

Он помнит, как воняют горелые волосы? Получается, что да.

Жужжание возле уха продолжалось долго. Пробирающую до костей дрожь, которой оно сопровождалось, приятной не назовешь, но Трэш постепенно начал с ней свыкаться.

А потом резко, неожиданно, никак о себе не предупреждая, левая рука взорвалась столь оглушающей болью, что голову покинули мысли, а из глотки вырвался булькающий хрип.

Боль была невыносимой, непереносимой. Кто-то резал плоть и заливал раны свинцом, причем непрерывно, без намека хотя бы на секундную паузу. В смрад горелых волос вплелись новые нотки вони, это его кишечник и мочевой пузырь не выдержали, а боль как разгорелась, так и не думала гаснуть, казалось, она даже усиливается.

– Это что тут у тебя за дела, Мазай?! – строго рявкнули откуда-то со стороны ног.

Жужжание прекратилось, как и дрожь, а боль начала плавно отступать.

– Никанорыч, этого мальчика надо в клетку для начинающих отправить. По частям приходится, целого такого там схарчить не смогут, молодое поколение слабо на зубки.

– Да? Это кто же такой умный распорядился?

– Да Щегол, кто же, кроме него, такое приказать может. Мимо пробежал, сказал в третий ангар зайти, там, мол, пухлый клиент для новеньких. У них ведь кровь молодая, горячая, аппетит на троих, а тут чистого мяса полтонны, надо только помочь им до него добраться.

– И зачем же ты ему руку отнимаешь?

– Ну так я же и говорю, целиком его наши зверушки никак не скушают. Никанорыч, ты только посмотри на него, он ведь чистый танк, у него даже глазища твердые, без диафрагм удары держат. Вон, пилил-пилил, а как до кости достал, пила намертво встала. Даже не знаю, что дальше делать. Надо ведь одну руку, потом вторую, потом ноги, ну а там и шею, а у меня уже от диска всего ничего осталось. Очень уж тугие пластины. Никогда такую броню не видел, у нее даже рисунок неправильный, с хитрым перехлестом, не сразу и поймешь, как надрезать вести.

– Вижу, Мазай, у тебя тут все схвачено и осмыслено.

– Ну Никанорыч, я ведь не первый день в деле, мне иначе нельзя.

– Посадить бы тебя на штраф с Щеглом на пару. Может, покатаетесь по кластерам, посмотрите на стронгов поближе, и не только на них, глядишь, и думать не седалищами научитесь.

– Никанорыч, ну вот зачем меня на штраф? Я ведь человек исполнительный, что мне сказали, то и делаю. Нет моей вины, что пила его так скверно берет, клиент очень уж жесткий. Говорю же, сам не пойму, что с ним, у него броня будто проволокой пропитана, не режется вообще, только на волокна лохматится.

– Щеглу было сказано готовить клиента для клетки. Для клетки, а не для клеточных, разницу понимаешь? Неправильно он тебе растолковал, а это косяк.

– Охренеть. А я тут при чем? С Щеглом и решай.

– А своя голова тебе на что?

– Щегол мою голову не спрашивал. Что сказано, то и делаю.

– Так не на корм надо пускать, а на дело интересное. Зачем бы тебе его живого отдали, сам посуди? Не мог подумать?

– Так мало, что ли, я живых порезал? Никакой математики не хватит такое сосчитать. Щегол сказал, я сделал, что не так?

– А то, что достали вы меня своей непонятливостью и ограниченной исполнительностью. Причем все достали. Давай, в темпе клиента заштопай. Рука хоть не отвалится?

– Ну так кость целая, и броня с другой стороны осталась, а она – тоже опора. Никуда эта рука не денется. И я не понял – как это штопать?

– А так это и понимай. Новеньким его сделать надобно.

– Новеньким? – голос Мазая был переполнен скепсисом.

– Ну, хотя бы не совсем старым. Там подлатать, там подкрасить в черное и страшное. Ну ты сам все знаешь, не первый раз замужем.

– И на кой оно нам надо?

– Ты с внешними тему карьера помнишь?

– Памятью не хвораю.

– Приедут они завтра. Мы им передали, что под них клиент интересный появился. Так, мол, и так – элитный товар, штучный, красоты неопишуемой. За соответствующий подогрев мы готовы его выставить хоть сей момент. Пригодится и для фильма красивого, и для альбома дембельского – до того хорош, что ко всему подходит. Так что завтра твой мальчик должен в карьере петь и танцевать.

– Сложную задачу ты мне задал...

– И что тут такого сложного?

– Погляди сюда.

– И что?

– Что-что: штыри в нем – целых два.

– Ну так вытаци.

– В хребет они забиты, чуть не так поверну, и не станет клиента. Тут хитро все устроено, институтские ему паралич через них делали.

– Мазай, запомни уже – институт в Улье всего один, а то, о чем ты мне сейчас талдычишь, – инпостеры, или попросту ипсы. Дебилы они там через одного, а не ученые, много о себе думают, а толку чуть. Так что, если они железки засунули, такой грамотный мужик, как ты, без помех достанет, потому как не глупее некоторых, пусть даже меня умом в последние времена не радуешь. Давай, братец, делай все как надо, заговорился я с тобой.

– Эй, Никанорыч, ты погоду уходить.

– Чего еще?

– Если вытащу, может не успеть срастись. Это же тебе хребет, а не пятка, дело больно тонкое, спешку не любит.

– Внешники завтра прикатят, грев привезут, а этот мальчик должен за грев отработать добротню. Покорми его как следует, мяском свежим, они это любят.

– Нельзя ему мясом кормиться, голод сейчас куда полезнее. Знаю я получше метод, но надо, чтобы он с пустым брюхом сидел или на чем-то легком, вроде сахарка. Поможешь?

– В чем помощь нужна?

– Живчик требуется. Ведро крепкого живчика на ведро молока или масла растительного. Лучше всего оливковое, но главное там – живчик. Залить ему в брюхо, и восстановление влет пойдет.

– Ведро живчика?! Может, ты его еще и жемчугом покормишь? Давай, Мазай, не стесняй себя в запросах, у нас ведь всего полно, прям не знали, куда добро девать, а тут вдруг ты возник с креативно-разорительными идеями.

– Не знаю, не пробовал такое, кто мне жемчуг даст, шутишь, что ли. А вот живчик – вернейшее средство для таких вот клиентов.

– Для человека это вернейшее средство, а не для них.

– Уж поверь, с ними тоже работает.

– Откуда знаешь?

– Помнишь, когда внешние кино снимали в карьере?

– Они всегда снимают. Любят это дело, там в кого ни плюнь, сам себе режиссер.

– Тогда без игрушек и всяких глупостей с бабами снимали. Просто две камеры большие и вертолет.

– А, вот ты о чем. Помню, конечно. К чему ты это сказал?

– К тому, что образину в тот раз Щегол говорил подготовить. Сказал, что надо шустрости в ней поубавить. Я хлопья и метанол Горику дал, сказал ему развести и залить через катетер, а сам не проследил за дураком. А потом смотрю, девочка уж больно шустро скачет. Кинулся проверять, и что вижу? Этот безрукий человек метанол отдельно поставил, хлопья отдельно, а потом взял бутылку, которую я развел для братьев-страдальцев, и влил в девочку. Там три литра живчика чистого и масло с молоком, все как доктор говорил, строго по рецепту смешивал. Девочка после такого хорошо прыгала, сам же помнишь. А ведь болезная была, как привезли, еле-еле шевелилась.

– Еще бы ей не шевелиться еле-еле, если в нее из крупняка очередь, считай, в упор вбили. Только почему девочка?

– Я так вижу.

– А, ну да, позабыл, что с подарком Улей тебя огорчил, видишь баб, но ни одна не в радость. Значит, целое ведро перевести придется?

– Ну ты посмотри на этого мальчика. Да я даже не знаю, хватит ли ведра, у него рот, что у гиппопотама из Африки.

– Ведро, Мазай, это цельная жменя споранов, а бегемоты, кроме как в Африке, нигде больше не водятся. Это чтобы ты знал.

– Можно и без споранов, дело твое, но тогда я не скажу, поднимется ли он завтра. Очень уж болезный, ты на глаза его глянь – сухие и плачут. По углам стекает, а до остального не достает. Плохо это, даже моргать не умеет, сам посуди, на что такой паршивый годеи?

– Ладно, уболтал ты меня, будут тебе твои спораны. Нам для нужного дела ничего не жалко, лишь бы с пользой. Только смотри, чтобы мальчик твой всерьез буяннить не начал. Он ведь морду лица на семерых нажрал, как бы не вышло чего. Учти, что гости у нас серьезные намечаются, аж из совета директоров. Там шишки не с кедра упавшие, там всем шишкам шишки, покрупнее ананасов будут.

– Не волнуйся за такое, Никанорыч, руки у меня из плеч растут, сделаю в лучшем виде. Полежит на живчике, потом маленько метанола ему добавим, с хлопьями, пускай поспит чуток.

Если с дозой не ошибаться, часа по три можно держать сонным, ну а нам больше и не нужно, нам ведь главное, чтобы к нужному моменту подгадать.

– Пойду за спораны скажу, а ты со мной иди, сам и забереешь их. А потом Щегла найду, поговорить с ним хочу. Что-то он много путать стал в последнее время. И общается как-то криво, иной раз не понять его, не нравится мне это.

– Зельем мертвячим балуется, а от этой гадости любой чудить со временем начинает.

– Это да, это до добра не доведет, если не образумится. Вот за то, Мазай, тебя ценю, что к гадости не прикасался и прикасаться не станешь.

– Ну так мы с тобой люди простые, два лаптя деревенских, нам самогона с водочкой хватает, ядом не интересуемся. Слышал, о чем ребята шепчутся?

– Ну-ка скажи, а то всякого шепота от них много.

– Говорят, что братья мы с тобой. Родные.

– Да ты что? Ох и фантазеры, с чего им такое в головы пришло?

– Разговариваем, мол, одинаково, как быдло из свинарника, бреемся нечасто, а ты вот вообще бородину отрастил.

Голоса удалялись, но Трэш продолжал их различать даже сквозь многочисленные препятствия. Однако он не прислушивался, все внимание уходило на руку. Жгущий ее огонь чуть притих, но не успокоился и больше не отступал. Терпеть такое невозможно, хотелось прижать обе ладони к груди и взвыть, но об этом не могло быть и речи. Все, что ему оставалось, – это мысли. Он силился понять, почему все эти люди так бессердечно с ним обращаются. Кто он такой, откуда взялся, почему знает многое, но при этом ничего не помнит о себе. Но как ни пытался отвлечься на раздумья, это не помогало, боль не отступала ни на шаг, грызла, пусть и без острых приступов, но равномерно-мучительно.

В какой-то момент, в очередной раз попытавшись захрипеть, Трэш в отчаянии представил, как мышцы наполняются жизнью и движением, он легко рвет цепи и тросы, которыми его тело примотано к колесной платформе, вскакивает, обрушивается на Мазая, всем своим весом прижимает его к земле и, глядя в расширившиеся от предсмертного ужаса глаза изверга, произносит два слова: «За что?»

Странно, но такая картина заставила боль отступить на задворки. Всего на секунду, на миг, но заставила.

Трэш не мог это не заметить и, воодушевившись, добавил картине красок: пронзительный вопль, вырывающийся из груди Мазая, кровь, хлещущая из его разрываемого тела, отчаянные мольбы о пощаде и прерывистый предсмертный хрип.

Затем Трэш представил, как оказывается в месте, где впервые осознал себя. Представил широко распахнутые глаза Чипа и Дейла, представил, как оба сучат ногами в то время, когда его лапы все туже и туже сжимают их цыплячи шеи. Представил людей, которые сверлили его тело, чтобы вставить катетер в вену, обливали холодной водой, небрежно грузили на машину, ради забавы ослабляя трос крана, чтобы посмотреть, как Трэш шмякнется об асфальт.

Боль не уходила, но теперь ей приходилось держаться на втором плане, потому что картины разнообразных способов отмщения не оставляли простора для прочего. Это было не облегчение, а лишь его подобие, но Трэшу ничего другого не оставалось, как лихорадочно подбирать все новые и новые методы расправы с мучителями и представлять во всех подробностях, как именно это будет происходить.

Мазай, увы, отсутствовал недолго. Когда шаги изверга вновь проявились на фоне гудения моторов, матерной перебранки в отдалении, какого-то приглушенного перезвона и таких же приглушенных стонов, раздававшихся, казалось, из-под земли, Трэш мысленно съезжился, уже привычно пытаясь раствориться в воздухе, исчезнуть, пропасть навсегда. Да что угодно, лишь бы не повторилась мука, причиненная человеком с добрым голосом и бесконечно жестокими руками.

Тот, приблизившись, уставился как-то странно, с явным недоумением. Зачем-то протер глаза, встряхнул головой, чуть растерянно произнес:

– Чертовщина какая-то. А ведь я трезвый, аки стеклышко. Ну что, мой мальчик, готов к процедурам?

Хотелось бы ответить в том духе, что нет, не готов, и вообще, пусть лучше себе все запланированные процедуры пропишет, но какой смысл, если тебя не понимают?

На этот раз обошлось без жужжания, от которого Трэш уже не мог хрипеть – глотка отказала.

Все оказалось хуже. Худа хуже. Трэш сумел не только захрипеть, он даже издал звук, похожий на приглушенный крик, переполненный страданием сверх всякой меры, от такого у каменной статуи должно размягчиться сердце.

У Мазая не размягчилось. Он чем-то елозил прямо в теле Трэша, разрывая мясо, скрежеща по костям, что-то высверливая громадной дрелью, то и дело ругая каких-то центральных за извращенные выдумки с металлическими стержнями в хребте.

Когда мучитель, наконец, сделал перерыв, Трэш уже ничего не соображал и вновь потерял способность хрипеть. У него больше не было даже намек на тело, оно превратилось в чистую боль. Одни лишь глаза, уставившиеся в потолок из ржавого железа, сохранились, он пусть и размыто, но различал каких-то людей, столпившихся вокруг пыточного алтаря, весело скалившихся, что-то задорно приговаривающих и время от времени тушивших сигареты привычным им жестоким способом.

Мазай все силился куда-то запихнуть черный грязный шланг с пластиковым наконечником. Трэш не мог понять, куда именно, но сильно подозревал, что речь идет о его рте. Возможно, через него намереваются залить концентрированную кислоту или что-то другое, настолько же бесполезное для организма.

Будет очень здорово, если он это не переживет.

Смерть не пугала, Трэш мечтал о ней почти каждую минуту с того момента, когда вчера впервые осознал себя, когда очнулся или родился, страдая от нестерпимой, как ему казалось, боли, разрывавшей затылок.

Вчерашняя боль – смешная ерунда в сравнении с тем, что происходит сегодня.

Трэш не ошибся, по шлангу и правда полилась жидкость, отдающая кислым и чуть пряным. Добравшись до желудка, она не разъела его в кровавую кашу, не прожгла дыру и не убила в одно мгновение. Поразительно, но она вызвала невыносимо теплое и приятное ощущение, которое начало растекаться по жилам.

Тело, впервые за все время короткой, переполненной муками жизни, начало ощущать что-то, помимо боли.

Мазай, опустошив в воронку очередную порцию из пластиковой лейки, склонился, осклабился добродушно и подмигнул:

– Ну что, мальчишка, понравилось? По глазам вижу, что да. Ты потерпи немного, сейчас у тебя глаз чуток пощиплет. Понимаешь, артерия твоя плоха совсем, и хрящ старую дыру затянул. Не хочу возиться, да и проще по-старому, способ проверенный.

При этих словах зрители начали ухмыляться, а затем Мазай поднес к уголку глазницы сверло все той же дрели и нажал на кнопку.

И только сейчас Трэш понял – все, что он испытывал раньше, было не болью, а лишь ее прелюдией.

Губы Мазая растянулись в гадливой усмешке, а дрель чуть снизила обороты, но не останавливалась, продолжала высверливать уголок глаза.

Истязатель растягивал удовольствие.

Трэш отчаянно пытался представить, как мучитель страдает во сто крат хуже. Но получалось плохо, мысли отказывались повиноваться, безнадежно путались, хотелось орать и жевать

язык, выгибаться дугой, скрежетать зубами до хруста в сокрушаемой эмали, сломать жужжащую дрель и кости садистов, с гоготом наблюдающих за действиями Мазая.

За что?!

Глава 3

Придя в себя, первым делом почему-то вспомнил, что у него есть имя или хотя бы его заменитель. Он Трэш, это все, что ему доподлинно известно о себе от всех этих людей. Остальное, высказанное ими, даже знать не хочется, а хочется забыть и никогда не вспоминать.

В какой момент он потерял сознание, Трэш не помнил, потому что, после того как дрель Мазая разделалась с его глазом, в голове, и без того работающей со скрипом, воцарился тот еще хаос. Смутно помнились прозрачная пластиковая трубка, уходящая в глазницу, и мутная жидкость, по ней стекающая, но уверенности в истинности картины не было. Все это напоминало часть бреда, тело, похоже, сдавалось под неослабевающим натиском мучителей, с ним явно что-то происходило.

Трэш начал его чувствовать. Это было не так, как прежде, то есть тело ощущалось не как источник болевых ощущений и ничего более. Происходящее сейчас невозможно объяснить словами, вот просто чувствовал, и все. Ничуть не походило ни на первый день, ни на второй, ничего подобного тогда не наблюдалось.

Тогда проявлялась лишь боль, а теперь она исчезла.

Нет, сказать, что сошла на нет, Трэш не мог (да и как это сделать, если говорить не умеешь?). В глазнице, истерзанной дрелью и трубкой, осталось саднящее, невыносимо неприятное ощущение, левую руку в районе локтя скручивало то и дело накатывающими приступами, хребет пекло огнем, но в сравнении с тем, что наблюдалось раньше, это не просто терпимо, это вообще ничто.

А еще было тепло. Приятное тепло. Никакой ледяной воды, лишь чистая и сухая теплота. Пахло неприятно – пылью и немытыми человеческими телами. Но примешивались и другие, будоражащие запахи, объяснить их происхождение не получалось, понимание не приходило. Эти ароматы намекали на что-то хорошее, больше о них ничего сказать нельзя.

Трэш раскрыл уцелевший глаз и тут же прищурился, когда яркий солнечный луч прицельно ударил в зрачок. Зрение адаптировалось уже через секунду, он разглядел синее небо, без намека на облака и толстенные прутья ржавой решетки, служившие сейчас крышей.

Эту решетку Трэш не помнил, да и небо увидел впервые в жизни. В том смысле, что в этой жизни. Он не верил, что родился позавчера, он существовал и до этого, просто с его памятью что-то случилось.

Возможно, ее высверлили той же дрелью, что оставила его без глаза.

Трэш скосил взгляд, и – о чудо – у него получилось. Не сказать, что это сильно расширило кругозор, всего-то и увидел, что те же прутья, только теперь они соединялись в вертикальную поверхность, образуя стену.

Покосившись в другую сторону, обнаружил аналогичную стену и кое-что новенькое – невдалеке за ней к небесам вздымался разбитый на исполинские уступы каменный склон. В его высшей точке находилась какая-то колоссальная ржавая конструкция, с нее грязными волосами свисали многочисленные тросы и черные обрывки непонятной ленты, похоже, не металлической. Там же, на линии, по которой твердь отделялась от неба, Трэш разглядел колышущуюся на ветру траву и низенькие кустарники.

Это странно, ведь здесь вообще не задувает, полная тишь.

– О, а вот и наш мальчик проснулся, – послышалось где-то неподалеку.

Трэш конвульсивно дернулся, вспомнив и пилу, и дрель, и все остальное. Странное дело, но он действительно чуть шевельнулся – картинка перед глазом едва заметно сместилась.

Да он, оказывается, умеет двигаться.

Вот только это незначительное движение вызвало вспышку боли в истерзанной спине, перед глазом потемнело, изо рта вырвался урчащий стон.

Шевелиться ему не стоит, того и гляди рассыплется.

– Что-то ваш хваленый мальчик плоховато смотрится, – произнесли чуть приглушенно, с особой интонацией, живо напомнившей зеленых людей с прозрачными масками, прикрывавшими самоуверенные холеные лица.

И запах чего-то едкого, плохого, неживого, связанного исключительно с ними, Трэш тут же выделил из богатой гаммы прочих запахов.

Особый аромат, от других людей ничем подобным не пахло.

– Ну так дело тут не в красоте вовсе, – поспешно протараторил Мазай. – Этого мальчика, как ни причесывай, завидным женихом не сделаешь, у него и волос-то нет.

– Мне нет дела до его внешнего вида, но до того, как он двигается, – есть. Что вы с ним сделали? Зачем глаз вырвали? Почему он не шевелится?

– Господин капитан, да вы не переживайте, все будет в лучшем виде. Глаз у него просто чуток поцарапали, такое у них мигом зарастает. У этого, ясное дело, не успеет, ну да зачем ему сейчас два глаза, он и с одним нормально помереть сможет. Кривой или нет – это вашему делу не помеха. За прочее тоже не подумайте плохое – мы его на метаноле с хлопьями держим, как раз доза последняя на сход идет, дайте ему минут десять, запрыгает, как резвый жеребец. Слово даю, оно у меня верное, не первый раз клиентов готовлю. Вон, Никанорыча спросите, он в курсе, лично добро дал. Мы на эту образину уже целое ведро первоклассного живца перевели. Старались, господин капитан, не жалели ничего, все ведь понимаем.

– Не знаю, как вы там старались, но господину Грею обещали охоту на движущуюся дичь, а не расстрел кучи мяса. Пока что все похоже именно на расстрел, ваша дичь даже приподняться не сумеет.

– Ну так мы ее мигом поднимем, сей момент. Москвич, а ну подтаскивай закуску к клетке! Давай-давай, шевели ягодицами, клиента надо заинтересовать. Пусть жизнь понюхает, не то совсем заскучал.

– Господи, да что же вы творите?!

– Господин капитан, что не так?

– Зачем вам это?!

– Ну так, клиент больно голодный, надо бы его подразнить, сразу подскочит. Средство вернейшее, свежая мертвечина для них, как мороженое для дитя.

– Подразнить?! У вас что, мяса обычного нет?! Уберите это немедленно! Живо! Господин Грэй даже не солдат, он всего лишь представитель совета директоров. Идиоты! Да я даже не хочу знать, как он отреагирует, если увидит перед собой выпотрошенную женщину!

– Понял. Сей момент все сделаем. Одну минутку дайте, уберем, все равно клиенту что-то не понравилось, даже не косится куда надо, совсем пришибленный попался. Москвич, а ну бегом назад! Ты что за бойню тут устроил?! Тут люди уважаемые собираются, зачем такое барахло притащил?!

– Ну так ты сказал притащить, я и притащил!

– Думать своей головой надо! У меня на всех мозгов не хватит, мне помогать надо! Утащи эту пададь подальше, чтоб глаза наши ее не видели! Вы уж простите, господин капитан, у нас тут нравы несложные, нам проще такой вот трупец подтянуть, чем мясо искать. Этим ведь даже лучше, они человечину очень уважают. Да и знать не знал, что все так строго, до вас замечаний не случалось. Тут наемники господина Калугина привозили, тоже из совета. Так для него вон к тем столбам бабенок голых привязывали. Сочных, ноги о-го-го, ну, вроде как для красоты пейзажа. Нравится человеку прекрасное.

– Живых баб?

– Само собой.

– А эта мертвая, причем из нее все потроха вырезали. То есть смотрится она плохо. Разницу улавливаете?

– Сказали бы заранее, мы бы подсустились, живых привезли. Хоть блондинок, хоть брюнеток, у нас полные клетки такого добра, и все непотрошенные. Для вас бы и вымыли, и причесали, и приодели: все в наилучшем виде.

– Просто сделайте свою работу чисто и правильно. Мне не надо сейчас никакой эротики, и трупы раскидывать тоже не надо. Господи, да зачем этот болван цепляет ее к бамперу?! Я надеюсь, он не станет кругами здесь кататься с таким украшением?!

– Кто? Москвич? Да запросто, если вовремя не остановить. Он и не так чудить умеет. Что с него взять, счастливый человек, ему завидовать надо, мы ему все прощаем. Любимчик он наш общий, прям не парень, а ходячая улыбка. Вот только улыбка у него грустная... Невеликого ума паренек, нехорошо с ним получилось. Только-только успел жениться по большой любви на такой же дуручке, а его в Ставрополь погнали. Командировка важная, срочно понадобился человек из столицы, а то там некому пару гаек закрутить. Малость не доехал, попал к нам, так до сих пор и не понял, что это за место. Думает, что в Замкадье везде так живут.

– Да уж, по глазам заметно, что не из одаренных. Такие же сонные, как у этой... у этого...

– Ну да, клиент у нас совсем больной, но зато не из мелких, нечасто к нам такие попадают. Если выпустим из клетки, придется сразу валить, пока не начал безобразничать. Безобразие у них в крови заложено, до этого дела неисправимые. Даже заторможенный метанолом может много чего натворить, вымахал-то знатно. Вы на броню его посмотрите, я первый раз такого тупого вижу. Ну чисто танк на двух ногах, уж не знаю, чем такого страшного пробивать. Я об него уже три сверла сломал, а они, между прочим, не на помойке подобранные – штучный товар.

– Пробить пробьем, с этим проблемы не возникнут.

– Фугасными снарядами нельзя, ему это все равно что петарды – дыма много, толку мало. Только разозлим.

– В пушке вся лента подкалиберными набита, и не что попало, а обедненный уран, такие любую бронемашину навывлет прошивают.

– Господин Грэй стрелять-то хорошо умеет?

– Вообще не умеет, он ведь бизнесмен, а не солдат. Все, что от него требуется, – нажимать на одну кнопку. Справится.

– Это как так?

– Все сделает устройство, которое на вашего э-э-э... клиента прицепили.

– Коробочка на пузе? Что-то я ничего понять не могу.

– А вам и не надо ничего понимать. Просто имейте в виду, что при активации боевого модуля оружие станет автоматически наводиться на маяк-метку и сопровождать ее.

– Интересные дела... А наводится оно быстро?

– Сервоприводы последнего поколения, разработаны для искусственной мускулатуры секс-кукол, но, как видите, порнографические технологии и для военных целей стоились. Обычно новое сперва у нас обкатывается, только потом на гражданку уходит, а тут вот наоборот получилось – индустрия эротики раньше подсустилась. Эти приводы способны обеспечить ведение самой маневренной цели даже в движении. Очень удобно против дронов и против таких вот... клиентов тоже хорошо работает.

– Теперь понял. Господину Грэю и правда немного работы остается. Ну, тогда предлагаю погнать клиента вон в ту сторону, прямоком на стену карьера. Забраться на нее он не заберется, там под ней и останется, расстреляет его ваша хитрая пушечка красиво и быстро. Вид глаз радуется, ну чисто скала байкальская, картинно свалится и зрелищно лежать будет, кино у вас добротное получится. Только за одно беспокоюсь, что станется, если снаряд разнесет вашу коробочку?

– Если в нее попадет снаряд – ваша тварь такое не переживет. Вы лучше подумайте, как ее выгонять из клетки будете. Господин Грэй – ценящий свое время человек, заставлять его ждать, когда подвезут нормальное мясо, недопустимо.

– За это не волнуйтесь, без мяса обойдемся. Мясо, господин капитан, – это пряник, но кнут работает не хуже, а иногда и лучше, на то он и кнут. Эти зверушки огня побаиваются, маленько пятки поджарим, в лучшем виде бегать начнет. Клиент со странностями, дикой жизни вообще не знает, огонь для него – самый большой страх. Надо будет, так еще живца добавим, это для него все равно что допинг для кривоногого спортсмена. Только отмашку дайте, и сразу им займемся.

– Хорошо, готовность десять минут, господин Грэй сейчас завтракает.

– Это как же он завтракать в маске-то может?

– В маске нет необходимости, его машина оборудована автономной системой вентиляции.

– Рискованное дело, вдруг срикошетит по ней и пробьет.

– Броню не так просто пробить, а если такое все же случится – не смертельно, внутри поддерживается избыточное давление. Заражение если и произойдет, то не сразу, этого времени хватит, чтобы успеть надеть средства защиты.

– Продуманно у вас все. Ну так я пойду ребятишкам насчет огня объясню?

– Идите. Объясните как следует. Учтите, господин Грэй должен получить исключительно положительные эмоции.

– Да сделаем мы из него великого охотника на элиту. Уж будьте уверены, настоящим мужиком отсюда уедет, со значком золотым и красивым кино. Не первый раз работаем, никто покуда недовольным не уходил.

* * *

Трэш сидел и сам не верил, что это у него получилось. Его спину терзало болью вдвое мучительнее прежнего, из глазницы начало нехорошо сочиться, при каждом вдохе в груди что-то неприятно покалывало. Но все это окупалось сторицей, ведь он, несмотря на потерю половины зрения, теперь мог видеть все, а не только доступные статичному взору кусочки картинки.

И нельзя не признать, что эта картина ему понравилась куда больше прежних пейзажей с неизменно непрозрачными потолками и стенками.

Хотя, если говорить прямо, для слова «нравится» в его жизни вообще не предусмотрено места.

Трэш понял, почему в этом месте не ощущается ветер. Грузовик, на платформе которого привезли клетку, добрался сюда по дороге, спиралью спускающейся к донцу исполинской чаши. Люди вырыли этот карьер, добывая какие-то полезные ископаемые, там и сям можно разглядеть различную горняцкую технику, громадные дробилки, транспортерные ленты, потрепанные вагончики-бытовки и прочее хозяйство.

Машины людей, столь последовательно мучивших Трэша, расположились на последнем уступе. Дальше им съезжать некуда, карьер неизвестно сколько времени простаивает, насосы ничего не откачивают, постепенно чаша заполняется грунтовыми водами, в самом низу уже плещется озеро. Но оставшегося незатопленным места вполне хватит для намечающегося представления.

Странно, но все эти люди свободно обсуждают судьбу Трэша, не обращая внимания на его присутствие. Или думают, что он их не слышит? Вон парочка стоит метрах в девяноста и азартно обговаривает перспективную, по их мнению, идею – когда все закончится, нужно проверить спортивный мешок клиента. А вдруг там что-то отыщется, не может быть, чтобы в таком большом было пусто.

То, что под клиентом подразумевают именно его, Трэш понимал. Тут многие о нем так отзывались. Странное слово для сложившейся ситуации, но эти люди поголовно ненормальные.

Разве можно так свободно, во всех деталях, обсуждать в присутствии жертвы способ ее убийства? А вдруг она откажется играть по их правилам?

Или того хуже – заставит играть по своим.

Складывалось впечатление, что Трэшу отказано в способности понимать сказанное. Или считают, что на таком расстоянии он ничего не слышит. Но это вряд ли, потому что люди, проходящие в считанных шагах от клетки, общаются так же безрассудно.

Совсем его за глухого держат.

Или тупого.

Люди не обращают на него внимания, то есть не мучают, и это хорошо. А вот как относиться к тому, чем они сейчас занимаются, Трэш еще не решил.

Потому что они готовятся его убивать, причем его смерть – лишь часть задуманного ими плана.

Трэша планируют при помощи пламени выгнать из клетки и заставить мчаться в направлении дальней стены карьера. Для этого поблизости замерли два пикапа с огнемётными установками, их экипажи встали в кружок среди машин и самозабвенно обсуждают некоторые аспекты полового размножения, не отвлекаясь ни на какие другие темы.

Несмотря на долгое подслушивание, Трэш не выяснил из их разговора ничего, что имело отношение к работе огнемётов. Но, проанализировав все, что доступно уцелевшему глазу, пришел к выводу, что это кустарные установки, не отличающиеся дальностью и высокой температурой горения огнесмеси, да и качество самой огнесмеси сомнительное. Что будет, если в него выстрелят из такой штуки, он не представлял.

Как можно такое не представлять? А все потому, что, усевшись, Трэш наконец кое-как себя осмотрел и понял, что его отличия от людей куда значительнее, чем он предполагал, пребывая в полностью беспомощном состоянии.

Оказывается, он очень здоровенный, потяжелее пятнадцати человек, вместе взятых, и формой походит на людей – те же конечности, голова и туловище, но отличий куда больше, чем сходства.

Вместо кожи его тело прикрывали замысловато скомпонованные щитки различной формы. На тех участках, где это не мешало движению, они бугрились выступами, напоминающими притупленные полированные рога или даже шипы угрожающего размера и остроты. Богаче всего ими были усеяны предплечья, из-за чего походили на какие-то средневековые орудия пыток, из которых торчали грубые ладони, каждый палец на них заканчивался саблевым когтем, размером с приличный кинжал.

Как Трэш понял из разговоров, подслушанных до этого, щитки и все прочее в совокупности называются броней и надежно прикрывают тело. Но из того, что он сейчас смог увидеть, складывалось впечатление, что защита не настолько уж и качественная. Там и сям виднелись пропилены и высверленные отверстия, из некоторых торчали обрывки пластиковых трубок и проводов. Похоже, какие-то крайне неаккуратные исследователи раз за разом забирались под костяную панцирь, не озадачивая себя последующим извлечением инструмента и устранением нанесенных повреждений.

Некоторые пробоины сочились белесой жидкостью и пахивали подпорченным сыром, под ними побаливало, иногда сильно, иногда не очень. Должно быть, организм пытается справиться с оставленными по небрежности инородными телами, но дело это непростое.

Больше всего беспокоила левая рука, которую Мазай чуть было не отпилил в районе локтя. Мучитель устроил глубокий и узкий пропил на самом сгибе, добрался до кости, хрящей и сухожилий, повредив и то, и другое, и третье. Конечность слушалась скверно и почти не

сгибалась. Да и правая недалеко от нее ушла, кое-как двигать можно, но начинает дрожать при малейшем усилии, даже над головой поднять ее не получалось.

Попытка даже не встать на ноги, а хотя бы прикинуть, возможно ли вообще это сделать, привела к выводу, что если такое и получится, ждать от себя великих свершений не приходится. Хорошо, если кое-как плестись сможет, спотыкаясь на каждом шагу.

Если Трэш сейчас выберется из клетки, он бездарно умрет на потеху толпе, считающей его неразумной тварью, не понимающей их язык и не имеющей правана жизнь. У него нет ни шанса, эти люди как следует подготовились к закланию жертвы, карьер – ловушка без выхода. Да отсюда даже воде стекать некуда. Единственная дорога завивается спиралью по стенкам, протягиваясь в общей сложности на километры, едва живому Трэшу придется по ней ковылять не меньше часа, если не свалится раньше от потери сил.

Но нет, столько ковылять не придется, ведь все закончится гораздо раньше, чем он доберется хотя бы до начала подъема.

Пикапы с огнеметами – не единственные машины, спустившиеся вниз. Не считая тягача с платформой и автокрана, присутствуют еще четыре. И они другие, больше и опаснее. Одна – грузовик неряшливого облика. Его кабина прикрыта стальными решетками и листами, но кузов вообще ничем не защищен, там даже тента нет. Посредине на громоздкой турели установлен здоровенный пулемет, облокотившись о него, скучает стрелок – плечистый мужчина в черной кожаной куртке и мешковатых камуфляжных штанах.

Грузовик Трэш не считал чрезмерно опасным, а вот три другие машины – считал. Восьмиколесные бронетранспортеры, все вооруженные, причем вооружение на каждом индивидуальное. На одном пушка калибром не меньше тридцати миллиметров, спаренная с ничем не выдающимся пулеметом; второй без артиллерии, зато пулемет на нем очень серьезный, ничуть не уступает тому, за которым скучает тип в черной кожанке, и помимо него установлен блок на четыре ракеты, скорее всего, управляемые; на последнем пулемет аналогичный, а вместо ракет вверх уставилось короткое дульце автоматического гранатомета. Теоретически эта колонна способна дать отпор самому разному противнику в самых разных условиях. И пехоту может достать, в том числе в укрытиях, и защищенную технику, в том числе танки.

А уж от Трэша один дым останется.

Слоняющиеся там и сям люди почти все обходились без защитных масок, да и одевались разношерстно, в отличие от тех, кого называли внешними или внешниками – тех самых, дышащих очищенным воздухом и жмущихся к бронетехнике. Оружие имелось у всех, но Трэша напрягали лишь противотанковые гранатометы, он не верил, что автоматы да ружья могут серьезно навредить его броне.

Но бронетранспортеры напрягали больше, гораздо больше. Они отличались от прочей техники во всем: новенькие, чистенькие, подчеркнута смертоносные, без уродливого навесного железа и арматурных шипов, в разной степени пораженных ржавчиной. На них даже эмблемы были другими – не ядовито-красные ромбики, как на грузовике и пикапах, а стилизованное изображение серебристой птицы с непомерно тонкой шеей и чрезмерно массивным клювом.

Непонятно, из каких глубин памяти всплыли сухие строчки технического описания. Трэш теперь откуда-то знал, что эти броневики называются «Кайман», и при одинаковости конструкции они могут существенно различаться, потому как созданы по модульному принципу. У этой тройки отсутствуют дополнительные блоки защиты, что значительно уменьшает вес и улучшает ходовые характеристики, а вместо башенок стоят дистанционно управляемые блоки вооружения. Сам оператор может находиться как внутри, так и снаружи, или даже ехать в другой машине. Обращаться со всеми этими пушками и ракетами настолько же просто, как играть в компьютерную стрелялку не слишком высокого уровня сложности.

Под нижней грудной пластиной Трэша к шипу брони примотана небольшая черная коробочка, генерирующая радиосигнал, который улавливают хитроумные орудийные системы, автоматически наводя пушку. Так сказал человек, который разговаривал с Мазаем. Тепличные условия для оператора, ему даже не придется целиться, от него и правда требуется лишь одно – жать кнопку активации гашетки. С такой дистанции промах маловероятен, модуль вооружения и правда разворачивается настолько проворно, что, если эту коробочку примотать к мячу и как следует по нему врезать, прицел не потеряет мишень из виду ни на секунду.

Трэш не может двигаться, как летящий футбольный мяч, он даже не уверен, что сумеет ковылять. Он не боится смерти, но и не видит смысла встречать ее покорно. Ведь если позволить себя убить, что будет дальше?

Что-что... Дальше он никогда не сможет найти всех этих злобных людей в обстановке, располагающей к доверительному общению.

Особенно сильно хочется остаться тет-а-тет с Мазаем, ведь он больше всех Трэшу не нравится. Не нравится настолько, что при одном воспоминании об этой твари сами собой сжимаются кулаки, с силой упираясь когтями в запястье, а из глотки стремится вырваться рык угрожающей тональности.

Но Трэш сдерживает себя, благоразумно помалкивает. Чем безобиднее он сейчас выглядит, тем лучше, потому что у него всего лишь один шанс выбраться из этого места живым.

Шанс, если честно, так себе, но другого попросту нет.

Этим людям нужна не просто смерть, им подавай смерть красивую. Кто-то, скрытый в недрах одного из бронетранспортеров, ткнет в кнопку в нужный момент, наблюдая на мониторе высокого разрешения, как заточенные урановые стержни вырывают из тела Трэша фрагменты брони и костей. Все это будет сниматься на камеры, вон по сторонам два оператора замерли у своих треног, удерживая ржавую клетку в видеоискателях.

И фото, и видео – все будет, смерть чудовища снимут с разных ракурсов.

И еще будет именной памятный знак для директора Грэя – стилизованное изображение чудовища и короткая подпись – «убийца элиты». Безделушка из желтого металла, пустой сувенир, получить который внешник сможет лишь ценой жизни Трэша.

Но у Трэша на этот счет имеются другие планы. И планы эти требуют от него максимальной самоотдачи. Но о какой самоотдаче может идти речь, если он настолько беспомощен? Ни сбежать, ни напасть, – вообще ни на что не способен.

Но у Трэша был план, ведь он прекрасно помнил, как по его телу вчера растекалась волна жизни. Ему очень нужно это повторить, причем немедленно.

Если быть совсем уж точным – Трэшу нужна та субстанция, которую заливал Мазай. Живчик, живец, да побольше, чтобы до каждой жилки дошло, до каждой мышцы. Пусть хоть ненадолго, но это может подарить ему скорость и ловкость.

Минусов в плане хватает, и с первым из них Трэшу вот-вот придется столкнуться. Эти люди недовольны тем, что он не выбирается из раскрывшейся клетки и даже не шевелится. Более того, перестал сидеть, – лег, как лежал в самом начале. Они вот-вот заставят его страдать.

Но это терпимо, страдать он уже привык.

* * *

Волна пламени сошла, оставив на ногах и левой лапе пляшущие язычки. Болью свело лишь след от пилы на локте, во всех прочих местах броня не поддавалась огню и достойно справлялась с отводом тепла. Трэша лихорадило, он ощущал нестерпимую жажду и сильно хотел выбраться из клетки, однако терпел, не шевелился, раз за разом выдерживая ослабленные залпы огнеметов, – ему не хотели навредить, всего лишь пугали.

Да хоть заживо сожгите, но выбираться только ради того, чтобы какой-то господин Грэй обзавелся званием убийцы элиты, Трэш не станет.

К тому же в перерывах между пыткой огнем он подслушивал много чего интересного. Похоже, у людей иссякает терпение, а Трэш добивается именно этого.

Пока что все идет по плану.

Огнеметы уgomонились, но их раструбы остались наведенными на клетку. А люди, стягиваясь со всех сторон к грузовику с пулеметом, один за другим плескали из своих фляжек в ржавый таз, притащенный от одного из вагончиков. Ненавистный Мазай, присев рядом с некачественной посудиною, что-то размешивал в оранжевой каске, по такому случаю превращенной в импровизированный котелок.

До Трэша доносились запахи спирта и кое-чего еще, кисловатого, приторного, липко-жирного, заставляющего напрягаться мышцы и жилы.

Они помнили, каково это – напиться силой живца.

Даже лежащий неподвижно с закопченными ногами Трэш пугал настолько, что люди не рискнули приближаться к его клетке, они поставили таз шагах в пятнадцати от нее, после чего торопливо отступили. Некоторое время он делал вид, что ничего не осознает, дабы не выдать свою информированность и крайнюю заинтересованность. Лишь выждав приличную паузу, повел головой, якобы приносясь к заинтересовавшему его запаху.

И расслышал, как Мазай, стоя возле дальней камеры, сказал оператору:

– Это им как медок для пчел. Без ног без рук поползет, если как следует распробовал.

Трэшу хотелось подняться и помчаться со всех ног, но он сдержался, пополз нелепо, неловко, зарываясь костяной головой в щебень, переваливаясь с боку на бок, при этом все сильнее и сильнее убеждаясь, что готов на куда большее.

Похоже, зараза, пропитавшая его кровь, отступила, он, пожалуй, сумеет не только ковылять, он и бегать сможет. Правда, недолго и небыстро. Но торопиться с этим не стоит, бодрящий живец – прежде всего.

Жадно осушая таз, покосился в сторону бронемашин. Убедился, что самая опасная, выдвинутая чуть вперед, навела пушку точнехонько на него, можно разглядеть зрачок дульного среза на всю его глубину.

По телу прошла волна, заставляя непроизвольно сокращаться мышцы. Трэш понял, что еще минута, и он будет готов встретить как смерть, так и свободу.

О мести он мог лишь мечтать, нечего и думать в таком состоянии разделаться со всей этой техникой и гранатометчиками. К тому же на шум, который неизбежно поднимется, могут нагрянуть другие убийцы. Нет уж, будет несправедливо отомстить лишь некоторым обидчикам и затем остаться навсегда в ловушке карьера, ведь сверху он простреливается прекрасно.

Люди тоже поняли, что жертва готова к закланию, приникли к оружию и камерам, уставились во все глаза. А некоторые разными словами выражали одну мысль – сейчас начнется, сейчас чудовище вскочит и побежит в сторону живописной каменной стены, где и умрет, изрешеченное подкалиберными снарядами.

Пикапы, фыркнув двигателями, чуть подъехали, огнеметы синхронно выплюнули жаркие струи, поторапливая Трэша, заставляя испуганно вскочить и помчаться прочь.

Трэш и правда начал подниматься с колен, ведь именно это от него и ждали. И даже проорчал: жалобно, с ужасом, дрожи в голос подпустив.

А потом одним слитным движением зажал между пальцами шип под нижней грудной пластиной и провел ими к кончику, срывая инородный предмет, заставляя его свалиться в подставленную ладонь.

Убедившись, что задуманное удалось, Трэш, чуть размахнувшись, запустил черную коробочку в ближайший огнеметный пикап и, срываясь с места, успел убедиться, что пушка, отвернув смертоносный зрачок, проворно поворачивается за летящей приманкой.

Сработало.

Глава 4

Несмотря на малое расстояние и приличные габариты пикапа, Трэш промахнулся, и в этом нет ничего удивительного. Передвигаться он, возможно, и научился, но пока что неуверенно, ни о какой точности движений не может быть и речи. Да и с конечностями у него, возможно, все плохо, не зря ведь о них отзывались как о слишком коротких, неполноценных. К тому же отсутствие одного глаза мешает определять дистанцию, а без этого разве можно говорить о меткости бросков?

Нельзя.

Но при всем при этом совсем уж позорным промахом случившееся не назовешь, потому как притягивающая смерть коробочка, ударившись о камни, прокатилась немного и остановилась на линии, соединяющей пикап с пушкой.

Именно в этот момент господин Грэй, уставившись в свой монитор, решил, что кадр обещает получиться достаточно живописным, ждать вариант получше не имеет смысла. Счищая с уголков рта прилипшие крошки, представитель совета директоров придавил кнопку.

Пушка, неотрывно следящая за черной коробочкой, плюнула огнем и обедненным ураном, двигательный отсек, оказавшийся на пути короткой очереди, ярко вспыхнул, разбрасывая куски как родной, так и дополнительной обшивки, а также обломки мотора. Машина, получив жестокий удар в скулу, резко дернулась, от неожиданного рывка огнеметчик не удержался на ногах, вывалился из кузова и заорал, напорвшись на длинные стальные шипы, под разными углами торчавшем из навески пикапа во многих местах.

Что там было дальше, Трэш не увидел, поврежденная машина выпала из поля зрения, а крутить головой лишь любопытства ради – несвоевременно.

Нет, проконтролировать обстановку в той стороне, конечно, не помешает, но у одноглазых не настолько хороший обзор, чтобы им размениваться. Все внимание приходится уделять важнейшим задачам, а второстепенные пускай подождут.

Если, вообще, дождутся.

Должно быть, господин Грэй сейчас удивляется, не понимая, почему Трэш продолжает бежать как ни в чем не бывало. Ну да, пушка выпустила еще одну очередь – веселье продолжается, хотя пикапу и его экипажу сейчас точно не до радости. Но вечно эта сказка тянуться не может: или до стрелка дойдет, что дело нечисто, или кто-то более компетентный возьмет управление оружием на себя.

И тогда даже без черной коробочки Трэшу не поздоровится.

Но у него был план. Хороший план. И он продолжал ему следовать.

Абсолютно все собравшиеся в карьере люди готовились к тому, что измученное чудовище помчится прочь, подстегиваемое огнем, и дальше его красиво успокоят. Страхуя господина Грэя, в нужную сторону уставились стволы пулеметов и раструбы огнеметов, пара гранатометчиков, забравшихся на крышу огромного экскаватора, уставились туда же, держа трубы наготове.

Все внимание приковано к финишной прямой для чудовища.

Вот только Трэш не побежал прочь, он, проигнорировав огнеметный выстрел непострадавшего пикапа, направился напрямик на толпу. Помчался на все эти машины, на людей, собиравшихся его убить, даже не пытаясь сбить с себя пламя, урча от боли и страха, подстегнутый выбросом адреналина или того, что его заменяет. Ему нужно успеть преодолеть около семидесяти метров до того момента, когда мучители подкорректируют свои планы.

Откровенно говоря, Трэш не очень-то верил в успех задуманного. Люди не выглядят заторможенными, они быстро поймут, что к чему, и начнут действовать. Но даже если его предсмертный порыв всего на миг их напугает – это уже неплохо.

Ну а если господин Грэй успеет натворить дел с пушкой – вообще замечательно.

Нет, Трэш на всякий случай запланировал действия на случай того, если успеет добраться до машин, вот только детализация этих планов хромала. Увы, но не было времени на обдумывание каждой мелочи, да и тяжело всерьез размышлять над тем, во что почти не веришь.

Поэтому, все же добравшись до ближайшей бронемашины и не словив при этом ни одной пули, Трэш сильно изумился. Однако это не помешало ему сменить безоглядный бег на деструктивную деятельность.

И да, бег ничего так получился. Он не ожидал от себя такой прыти. Это просто полет стрелы, это гимн реактивной авиации, это почти фантастика. Никто, включая гранатометчиков, не успел развернуться, осознать происходящее, лишь некоторые, даже не пытаясь стрелять из своего слабого оружия, враспынную помчались прочь, причем очень медленно.

На порядок медленнее Трэша.

Подпрыгнув, он здоровой, правой, рукой ухватился за ствол орудия, сгибая его силой мышц и тяжестью массивного тела, одновременно вдавливая в недра модуля. На миг даже пожалел, что приходится калечить пушку, ведь она до сих пор куда-то постреливает, причем явно не в Трэша. Но нельзя оставлять такую штуку позади, если не планируешь обзавестись коллекцией пробоин в спине.

А в планах Трэша места им не нашлось.

Модуль на второй бронемашине резво развернулся, готовясь встретить цель ливнем тяжелых пуль, но хваленые внешником сервоприводы оказались не настолько резвыми – сравняться с чудовищем не смогли.

Мимоходом свернув пулемету ствол, Трэш, не колеблясь, изменил направление движения, рванув к экскаватору. Как ни жаль, но грузовик и последний бронетранспортер придется пощадить, фора иссякает, люди приходят в себя, вот-вот и начнется та еще пальба. Увы, но он не успевает вывести из строя все самое опасное оружие.

Ну и ладно, то, что Трэш сейчас успел сделать, уже выходит за рамки самых дерзких его планов.

Далеко выходит.

Экскаватор был огромным. Грубая коробка без намека на колеса, под днищем располагается что-то, похожее на лыжи, но сомнительно, что это именно они. Да и зачем знать, каким способом исполин передвигается по карьере, главное, что надо иметь в виду, – он может прикрыть от оставшихся за спиной пулеметов, и на нем расположилась пара с противотанковыми гранатометами.

А вот и они, опасно резво подбираются к краю, собираясь встать там и открыть огонь по приближающейся цели. Быстро в себя пришли, к тому же это люди, а не техника, с ее инерцией и неповоротливостью, именно они сейчас самая главная опасность для Трэша.

Несмотря на разворот, скорость он не потерял и даже сумел ее нарастить, напрягая все силы, совершая невозможное, удивляя самого себя неожиданно вовремя открывшимися возможностями. Трэш едва успел, до гранатометной стрельбы оставалось не больше секунды, оба уже вскинули свои трубы на плечи, ловя его тело в прицелы.

Слишком поздно. На полной скорости он ударил в борт экскаватора, где просматривалось что-то вроде двери или люка, легко вмял створки внутрь, ввалившись следом и сметая со своего пути какой-то тяжелый агрегат.

За спиной наконец грохотнуло. Нет, не пушка, ее ствол повис черной соплей, а в парализованном оружейном модуле всюду искрили изувеченные сервоприводы последнего покоління. Пулемет. Или с не тронутого Трэшем бронетранспортера, или из грузовика – явно не ручной. Стреляли метко, в сумрачном нутре экскаватора замелькали трассеры, пули, ударяя по металлическому оборудованию, высекали снопы искр, рикошетили. Потянуло химическим дымком и запахом электросварки, где-то в дальнем углу занялось пламя, стена вокруг сорван-

ного люка покрылась россыпью отверстий, через которые ударили солнечные лучи, будто лучи прожекторов, выискивающие скрывшееся чудище.

Вот только Трэш никуда не скрывался. Ухватив непонятный агрегат, удачно сорванный в момент проникновения в сумрачные недра экскаватора, он закинул его на плечо, примерился и резко отправил полетать с таким расчетом, чтобы тот врезался в крышу под ногами гранатометчиков. Достать их даже не мечтал, железный лист так не пробить, но пусть хотя бы понервничают, заподозрив, что страшная образина лезет за ними. Глядишь, хоть на несколько секунд можно будет о них забыть.

Ударил второй пулемет. Трэш, падая на пол, поймал сразу две пули, а может, и все три, короткая очередь пришлась в позорно-нижнюю часть спины, толкнула резко и неожиданно, заставив приложиться мордой о железный пол. Разбираться с последствиями попаданий некогда, вот-вот экскаватор из успешного элемента плана превратится в безвыходную западню.

Вывалившись по другую сторону через очередной сорванный люк, Трэш первым делом подхватил большую металлическую бочку, заполненную какой-то жидкостью под горловину, взвалил на плечо, резко распрямив правую руку. Примерился и закинул увесистый подарок на крышу экскаватора, чтобы гранатометчики не сильно там скучали. В этот миг пролетевшая через все преграды тяжелая пуля ударила его чуть ниже того самого шипа, на котором секунд тридцать назад закреплялась черная коробочка.

Попадание вышло болезненным, но пришлось на момент, когда Трэш осознал, насколько он силен, и потому не обратил на боль внимания, заорав во всю мощь:

– Спасибо за живец, твари!

Из глотки, увы, вырвалось лишь злобное урчание, похожее на торжествующий рев изголодавшегося тигра-людоеда, забравшегося в клинику, специализирующуюся на лечении крайних форм патологического ожирения. Еще одна пуля, тоже пролетев сквозь экскаватор, чиркнула по скуле, голова дернулась. Боли не было, вскользь прошло, но заставило ссутулиться.

Трэш знал, что голова – самое опасное место. Одно удачное попадание, и он труп.

Откуда пришло это знание? Да оттуда же, откуда все остальное.

То есть неизвестно откуда.

Этап с экскаватором позади, а вот дальше начинается скользкий момент – прикрываясь терзаемой пулеметами железной коробкой, нужно добраться до стенки карьера и забраться на дорожный уступ, который тянется метрах в семи выше. И если со скоростью Трэш разобрался, то насчет навыков альпинизма у него остаются нешуточные сомнения. К тому же, карабкаясь по отвесной скале, он в какой-то момент поднимется выше укрытия, на радость пулеметчикам и прочим.

Рискованно. Очень рискованно. Но то, что он уже успел сделать, было не менее рискованным.

Вжимая голову в плечи, осматривая скалу единственным глазом в поисках возможностей забраться на нее побыстрее, Трэш мчался вперед, вздрагивая от молотящих по его спине и затылку пуль – три человека, стоявшие у дальней камеры, сейчас прекрасно его видели и прицельно лупили из своих автоматов. Боли нет вообще, броня держит, но раздражает неимоверно. Очень хочется развернуться, подбежать к гадам и доказать им всю глубину их неправоты.

Нет времени. Вообще ни на что нет.

На последних шагах Трэш прыгнул, планируя дотянуться правой рукой до выдающегося из обрыва камня, после чего упереться ногами в полку чуть ниже и начать забираться, используя всего лишь три конечности – от изувеченной Мазаем толку ждать не приходится.

Расчет не оправдался – Трэш, неожиданно для себя, прыгнул куда выше, чем запланировал. Он-то голову ломал, каким образом успеть преодолеть половину подъема до того, как его прицельно расстреляют из тяжелого вооружения. Но нет, все пошло не так, взмыл на добрый

метр больше рассчитанного, едва не стукнулся о другой выпирающий камень, уберегая лицо, оттолкнулся от него, забросив себя еще дальше, ухватившись за самый край обрыва.

Вот и все, выше уже ничего нет, та самая дорога тянется, он добрался.

Неистово урча, подтянулся на одной лапе, изогнулся, уложив себя на край. Есть, забрался! Подниматься не стал, покатился с боку на бок, осыпaeмый выбиваемым пулями каменным крошевом. В бок попали, вырвав болезненный стон, над глазом мелькнуло что-то неуловимо быстрое, изрыгающее пламя, ударило чуть дальше, в обрывистую стену уступа, вызвало приличный обвал, слегка накрывший ноги Трэша, но ничем ему не помешавший.

Все равно что щебенкой осыпало – ерунда.

Откатившись на несколько метров, он скосил взгляд и понял, что находится вне досягаемости, враги не могут его достать. Они остались внизу, его прикрывает край уступа, если не подниматься, Трэша попросту не увидят.

Но и просто лежать – не самая лучшая идея. Он ведь не ради отдыха сюда рвался, цель у него другая.

Главное сейчас – выбраться из проклятого карьера, где таких, как Трэш, убивают ради потехи. Значит, надо двигаться, причем двигаться безо всякого плана, так далеко его замыслы не доставали ввиду их объяснимой пессимистичности.

Трэш пополз на четвереньках, припадая на левую руку, прижимаясь правым боком к стене обрыва, тянувшегося до следующего уступа, оставляя за собой кровавый след, – бок все же зацепило всерьез, и поделаться с этим ничего нельзя, надо просто сцепить зубы и терпеть.

За спиной хлопнул не впечатляющий разрыв, и почти сразу еще один. Спустя несколько секунд облачко взметнулось метрах в десяти впереди, в лицо ударило что-то мелкое и злое. Трэш понял, что избежавший наказания бронетранспортер открыл огонь из автоматического гранатомета, это оружие способно поражать цели за укрытиями или складками местности. Оставалось лишь пожалеть родителей стрелка, ведь большое горе, когда в семье рождается откровенный недоумок, не понимающий, что цель не из тех, которые можно поразить подобным вооружением, тем более вслепую.

Очевидно, среди экипажа нашлись люди посмышленнее, обстрел прекратился. Трэш рискнул на секунду приподняться, чтобы узнать, чем занимаются враги. Тут же вернувшись в прежнее положение, пережил еще один камнепад, куда серьезнее, потому что, разглядев цель, снизу начали бить из всего, что есть, это добро прилетало в стенку уступа, а некоторые булыжники там и без того на честном слове держались.

Один, особо острый и увесистый, с такой силой приложился по затылку, что Трэш чуть носом в укатанную дорогу не встрял. Разозлившись, ухватил обидевший его камень, зашвырнул в сторону стрелков и тут же, озаренный перспективной идеей, отправил следом еще несколько. Благо недостатка в метательных снарядах здесь не было, спасибо щедрым людям, не жалеющим патроны и гранаты.

Стрельба тут же почти сошла на нет. Сомнительно, что кого-то задело, а вот озадачило точно многих, никому не хочется получить двухпудовой глыбой по голове.

Пользуясь относительным затишьем, Трэш еще раз приподнялся, потому как при первой попытке толком ничего не успел разглядеть.

На этот раз все прошло удачнее, людей и правда неприятно озадачили брошенные камни. Хотя Трэш схлопотал пулю из винтовки рядом с уцелевшим глазом, это того стоило, он успел узнать главное.

Грузовик стоит на месте, пулеметчик в его кузове возится со своим оружием. Непохоже, что ленту меняет, должно быть, возникли технические неурядицы. Два поврежденных бронетранспортера остались там, где их покарала рука Трэша.

А вот третий...

С третьим все плохо, он сорвался с места и явно намеревается добраться до подъема, откуда выедет на дорогу и помчится вслед за ускользнувшей жертвой.

И что теперь? Нечего и думать продолжать передвигаться на четвереньках, и трети оставшегося пути так не одолеет, как будет расстрелян из крупнокалиберного пулемета. К сожалению, броня такие пули держит не всегда, они, должно быть, специальные, вроде тех – урановых.

Трэш подавил в себе панический порыв и приподнялся сознательно, расчетливо, резко распрямляя ноги, стрелой срываясь с места. Помчался дальше, даже не пригибаясь, со всей возможной скоростью, так, как делал это внизу, а может, даже быстрее.

Опыт дает многое.

Снизу его, разумеется, увидели и поприветствовали жестоким салютом из всего, что было. Металл бил в скалу впереди и позади, да и Трэшу доставалось, несмотря на то что он старался непредсказуемо изменять скорость. Но это он, главным образом, против гранатометчиков старался, их ракеты летели не столь быстро, движущуюся некрупную цель из них можно поразить с приличным шансом, только если она мчится на тебя или от тебя. Во всех прочих случаях вероятность успеха – так себе.

Пули из легкого оружия уже не пугали, он напрягся лишь тогда, когда вновь заработал пулемет в кузове грузовика. Но к тому моменту успел подняться еще выше, на следующий виток, теперь целиком Трэша разглядеть не могли, разве что плечи и голову, попадать стало гораздо труднее, да и неудобно, оружие приходилось сильно задирать.

На следующем, последнем витке дороги пулемет и вовсе замолчал. Тут уже не в видимости дело, похоже, турель не способна работать под таким углом. Да и гранатометчики притихли – или закончились боеприпасы, или осознали бесперспективность обстрела.

Теперь напрягал лишь бронетранспортер. Сейчас он находился на противоположном краю карьера, успев добраться до предпоследнего витка. Это опасно близко и едет он быстро, не отвлекаясь на стрельбу, хотя пулемет неотрывно следит за Трэшем.

Замысел экипажа очевиден – намереваются сократить дистанцию до минимума и в упор расстрелять. Разумная затея, если вспомнить, что модуль изнутри перезарядить нельзя, и вообще – это хлопотное дело. Так что боезапас лучше приберечь для гарантированного поражения цели.

А еще второй пикап, не пострадавший от демонстрации великих стрелковых талантов господина Грэя, ухитрился обогнать бронемашину до сужения подъема и мчался сейчас в сотне метров от нее, видимо, боясь далеко отрываться.

Возникла было мысль остановиться и устроить баррикаду. Но каким образом? Камней на дороге валяется немного, никто больше не устраивает обвалы – обстрел поутих: у кого-то ствол перегрелся, у кого-то патроны закончились, а кто-то на таком расстоянии и в небоскребе не попадет. В общем, материалов для создания преграды почти нет, всего-то один приличный камень в поле зрения. Да и бронемашина отличается высокой проходимостью, остановить ее способно лишь серьезное препятствие.

Идея заняться строительными работами как зародилась, так и умерла, а через секунду и вовсе забылась под неудержимым натиском свежих впечатлений.

Как всегда – негативных.

Навстречу Трэшу в карьер спускался здоровенный черный пикап. Мощный огнемёт в его кузове заработал на ходу, с дистанции, за пределами для такого оружия, заставив попятиться от докотившейся волны жара, тоскливо заурчать от страха и отчаяния.

Рванувшись вправо, Трэш вжался в скалу, выгадывая себе несколько секунд покоя и лихорадочно прикидывая, что же делать дальше. Назад хода нет, оттуда надвигаются похожий пикап и бронетранспортер, впереди всего лишь одна машина, но дорога изгибается досадно плавно, почти ровно. Врагам нет смысла приближаться, издали начнут поливать огненной смесью. На этот раз люди церемониться не станут, Трэш вспыхнет от пяток до макушки, сомни-

тельно, что его броня сможет защитить от такого. Пламя пусть и не убьет мгновенно, но заставит свалиться от шока, ослепнуть, скрутиться клубком и завывать, с неистовым нетерпением дожидаясь прихода смерти.

Трэш с тоской покосился наверх. До края карьера по вертикали оставалось не больше пятнадцати метров, можно в деталях рассмотреть выглядывающую оттуда травку и веточки кустарников. Но скала чуть ли не идеально гладкая, не за что ухватиться, нет опор для ног, даже с обеими рабочими руками забраться очень трудно, а под обстрелом вообще невозможно.

Ну и что теперь делать?! Не вниз же прыгать?!

Вниз... А ведь это идея. Нет, прыгать, конечно, бессмысленно, Трэшу там делать совершенно нечего, а вот вернуться немного назад – почему бы и нет.

Ровно до того места, где он задумался о сооружении баррикады. Там валяется кое-что, что, возможно, сможет помочь с возникшим впереди затруднением. Что пикапы, что бронетранспортер продвигаются неспешно, дорога очень уж некачественная и опасная – слишком узкая, одно неосторожное движение, и можно сверзиться на следующий уступ. Он должен успеть, не так далеко ушел, всего-то на сотню метров придется вернуться.

Огнемет заработал, как только Трэш выскочил из скальной ниши и помчался назад. Все еще слишком далеко, да и темп с ходу набрал приличный, разрывая дистанцию, но спина начала печь в нескольких местах – отдельные брызги достали. Пока бояться нечего, страх придет, если начать вдумываться в детали очередного плана.

Поэтому Трэш старался не вдумываться.

Камень был большим и плоским, лишь немногим уступал площадью капоту черного пикапа. Ухватившись за бока глыбы, Трэш поднапрягся, вскинул рывком – даже для него тяжело. Сложно сказать, каков вес, может, триста килограммов, а может, все полтонны или даже больше. Но терпимо, удерживать можно спокойно.

Камнем он прикрыл голову и грудь. Главное, что сейчас требуется – не позволить залить огнем последний глаз. Там вроде как серьезное веко защищает, но насколько эффективна его защита – неизвестно.

Развернувшись, Трэш, медленно разгоняясь, направился назад, морально подготавливаясь к очередной порции мучений и ориентируясь по краю дороги. Она узкая, а препятствие впереди всего одно – тот самый черный пикап. Сбиться с пути невозможно.

Врага Трэш не видел, но прекрасно слышал. Шум мощного мотора, шуршание шин и клацанье камней под ними, лязг металла.

И пробирающий до костей монотонный выдох заработавшего огнемета.

Первый удар Трэш перенес легко, всего-то несколько капель достали до ног да в носу запершило от удушливого запаха сгорающих нефтепродуктов и какой-то едкой химии. Не сказать, что приятное ощущение, но нормально, разгоняться не мешает.

Второй выстрел залил и ноги, и низ живота, и пальцы, обхватившие камень по бокам, и даже на голову немного сверху пролиться ухитрилось. Пламя, взметнувшись снизу, лизнуло по глазу, заставило завывать, заурчать протяжно, с всхлипывающими остановками. Каждая, даже самая незначительная, пробоина в броне превратилась в дрель Мазая, наматывающую нервы на раскаленное сверло.

Трэш попытался изменить положение камня, защитить лицо, но тут ударил второй выстрел, залило все, проигнорировав смехотворную защиту, даже по спине потекло. Закрыв глаз и завывая втрое громче, он, подстегиваемый нестерпимой болью, побежал, не обращая внимания на неудобство и тяжесть камня, встречая им все новые и новые потоки пламени. Видеть ничего не видел, ориентировался исключительно на звук работы двигателя и жестокого оружия. Дорога прямая, если не ошибаться и не сдаваться, с пути не сойдет.

Сдаваться Трэш не намерен, это не по плану.

Тональность шума двигателя изменилась, одновременно послышался звук переключения передачи. Все понятно – атака пылающего чудовища стала чрезмерным испытанием для психики водителя, он пытается уйти задним ходом.

Взревев так, что само пламя должно испугаться, Трэш, чувствуя, как камень начинает вываливаться из обгорающих пальцев, припустил, уже не думая ни о чем, выжимая из себя жалкие остатки сил.

И со всего маху врезался ногами в силовой бампер, легко согнув наваренные на него шипы. От неожиданности пальцы отказали окончательно, камень выскользнул, по инерции полетел дальше. Глаз, на миг рефлекторно приоткрывшись, успел разглядеть, как тяжеленная глыба, сокрушив прикрывающую лобовое стекло решетку и проехавшись по сминающейся крыше, небрежно снесла и огнемёт, и стоящего за ним человека. Должно быть, на лице у того промелькнуло то еще выражение, но посмотреть на это не получилось, его прикрывала защитная маска с непроницаемо-черными очками.

Жаль, быстро отмучился. Садист.

Трэш, забросив себя на капот, потянулся вслепую, стукнул кулаком, доламывая стекло со стороны водителя. Просунул руку дальше, нащупал что-то мягкое, дергающееся и надрывно орущее, сдал и, несмотря на сожженные нервные окончания, ощутил, как ломаются до смешного хрупкие кости. Продолжая гореть живым костром, с воем перебрался через машину, завалился на дорогу, начал перекатываться с боку на бок, оставляя на камнях потеки пылающей огнесмеси.

И шелуху от рассыпающейся брони он тоже оставлял – тело своими методами пыталось сбить пламя.

Ему бы в воду сейчас нырнуть или хотя бы в песок зарыться, но чего нет, того нет. Трэш катался и катался по камням, не осознавая, что делает это опасно близко от края пропасти. Увы, но в голове не осталось ничего, кроме неистовой жажды избавиться от пожирающего его огня.

Возможно, он бы так и продолжал елозить телом по камням до подъезда палачей, но вмешались другие люди. Точнее – всего один.

Протрещала автоматная очередь, пули начали бить по затылку. Не сильно, но чувствительно, заставив хотя бы частично очнуться, вынырнуть из бездны боли, избавиться от власти безумия, подскочить застигнутым врасплох зверем, разворачиваясь к угрозе. Глаз открылся, Трэш сквозь слезы различил, что возле распахнутой дверцы черного пикапа стоит выбравшийся пассажир. Лицо у человека было бледным и переполненным нехорошими предчувствиями, что вполне объяснимо, ведь он только что расстреливал беззащитную, по его мнению, мишень и вдруг оказался наедине с до крайности обозленным чудовищем, желающим ему зла.

Человек развернулся и опрометью бросился вниз по дороге. Трэш, устало пригнувшись, поднял сорванный с кузова тяжеленный огнемёт, выпрямился, швырнул вслед.

Попал.

Броня Трэша почернела во многих местах и дымилась, как залитый водой уголь. От него омерзительно воняло обожженными волосами и неопишимо-отвратительной кислотой, из ран вытекала бурлящая кровавая пена, кое-где все еще мелькали язычки пламени. Болело абсолютно все, но жалеть себя некогда, ему надо продолжать действовать по плану.

Пикап переворачиваться как надо не захотел. Поэтому Трэшу пришлось его передвинуть капотом к обрыву, зайти с боку и опять поднатужиться. На этот раз все прошло без сложностей, машина за два подхода легла колесами кверху, перегородив узкую дорогу.

Возможно, бронетранспортер сумеет с ходу преодолеть такую преграду. Возможно, и нет. И не надо забывать про второй пикап, он уже где-то неподалеку. Вот он-то точно здесь остановится, усугубив затор.

Дорога-то узкая.

Развернувшись, Трэш, прихрамывая на обе ноги и жалко поскуливая, направился вверх, преодолевая последние метры подъема. Прилетевшая издали не такая уж тяжелая пуля заставила его пошатнуться, перед глазом на миг потемнело.

Он слишком вымотан, ему очень больно, сил нет противостоять даже мелким напастям.

Впереди показалось обширное ровное пространство, поросшее чахлой травой и испещренное колеями от колесных машин и гусеничной техники. Слева вздымаются отвалы пустой породы, справа сереют бетонные коробки производственных зданий. А сзади...

Назад, на карьер, Трэш оглядываться не стал. Он и без этого прекрасно знал, что там остались люди, зараженные одинаково жестоким желанием – догнать и добить.

Желательно – жестоко.

Глава 5

Спускаясь по склону степного оврага, Трэш позабыл о своих размерах, за что тут же поплатился. Рыхловатый глинистый склон посыпался под его весом, заставил задержаться в попытках сохранить равновесие. Но тщетно – полутонное тело покатилося вниз, легко сминая подворачивающиеся по пути кустарники, в отдельных случаях очень даже приличные.

На дне Трэша поджидала высохшая лужа. Высохнуть-то она высохла, но это можно сказать лишь о воде. Грязи там хватало, замарался он знатно. Это его ничуть не расстроило, даже, наоборот, порадовало, потому что слегка остудило жжение в пораженных огнем местах. Будь у него время, он бы еще больше извозился.

Импровизированная грязетерапия.

Но увы, времени нет вообще. Трэш отчетливо различал звуки моторов – к оврагу направлялась все та же пара из огнеметного пикапа и бронетранспортера. На ровной степи его заметили издали, он самую малость не успел доковылять до спасительной низины.

Промелькнула было мысль подкараулить технику на краю оврага и устроить ей аварию с жертвами, но тут же ее отбросил. Трудноосуществимо, да и вряд ли враги подставятся одновременно, в крайнем случае вышлют на разведку проворный пикап. Да и состояние у Трэша таково, что ему сейчас не до активных боевых действий, тем более с участием бронетранспортера. Дошло до того, что о клетке начинает вспоминать с ностальгией, там хоть и мучили, но полежать позволяли.

А здесь мало того что мучают, здесь бегать до полного изнеможения приходится.

Невыгодно получается.

Бронетранспортер – машина повышенной проходимости, но этот овраг ей не по плечу, спуститься не сможет. А вот Трэш, наоборот, – не сможет вылезти, потому как обрыв осыпается под его весом, и к тому же сразу попадет под обстрел.

Здесь, внизу, он еще побарахтается.

Размазывая грязь и копать по кустам, поковылял дальше по самому дну. Заросли тут густые, но даже истерзанному телу они нипочем, почти не сказываются на скорости передвижения.

И это прекрасно, ведь скорость и без того далеко не блестящая. Стремительность движений, пришедшая после таза с живцом, потерялась где-то по дороге, вместе с пластинами отстреленных фрагментов брони и потеками пролитой крови; колени стреляли болью при любой попытке их согнуть; некоторые мышцы временами отказывались работать, доходило до частичного паралича, когда одна или обе ноги неожиданно превращались в непослушные протезы. В такие моменты Трэш не всегда удерживал равновесие и поэтому частенько падал. Так что густые заросли – во благо, здесь он сможет помогать себе руками.

А заросли чем дальше, тем больше тянулись ввысь и редели. Появились первые деревья, их кроны укрывали Трэша с головой, это радовало.

Если овраг выведет на открытую местность, повода для радости не будет, а будут боль и смерть, потому как люди знакомы с местностью, именно там подстерегут. К тому же у них имеются средства радиосвязи, возможно, уже вызвана подмога, обложат со всех сторон, где угодно, даже в самом густом лесу.

Спасти Трэша может лишь скорость, но отказывающие ноги и откровенно предсмертное самочувствие не оставляют ни шанса. Он помнил разговоры людей в том месте, где впервые осознал себя, они что-то говорили о том, что у него ненормальные конечности, слишком серьезно защищены, в сравнении с телом. Должно быть, это их сильно задевало, потому как они иссверлили и изрезали их во множестве мест. Неповрежденные участки достойно сопро-

тивлялись огню, там лишь наружные слои брони осыпались и осталось неприятное саднящее ощущение. А вот в местах, где имелись хотя бы малейшие отверстия, дела далеко не блестящи.

Там и боль, вышибающая слезы, и судороги, и приступы паралича. Трэш продолжал идти на голом упрямстве, уже почти не веря, что у него получится отделаться от людей. Слишком медленно он движется, ему бы ускориться раз в пять, тогда шансы появятся. А сейчас все, что он может, – чуточку оттянуть неизбежное.

В открытой взглядам степи его загонят безо всякой подмоги, для этого достаточно уже имеющихся машин.

Кустов становилось все меньше и меньше, а вот с деревьями ситуация обстояла в точности до наоборот. Даже если преследователи сейчас посматривают вниз, вряд ли сумеют определить местонахождение беглеца. Местами Трэшу с его габаритами непросто пробираться, не тревожа ветви, но он старается ничем себя не выдавать, и сомнительно, что они разглядят его через густую листву.

Главное, не свалиться. Главное, не позволить себе сдаться. Надо в зародыше избавляться от мыслей оставить все, выбраться на открытое место и присесть, позволить подышать поближе, и пускай расстреливают в упор.

Уж очень хотелось дать себе слабину, отмучиться. Ведь выживать – это не просто больно, это, оказывается, еще мучительнее, чем сидеть в клетке беспомощным растением, игрушкой для садистов.

Но Трэшу пока удавалось держать себя в руках, волю дурным мыслям не давал, пускай злые люди сами в клетке посидят. Не для того он вырывался, чтобы сдаться. Если уж умирать, так умирать зверем рычащим.

Не дождутся.

* * *

Впереди посветлело. Трэш остановился, не рискуя выбираться на открытое пространство. Он продолжал слышать двигатели бронемашин и пикапа, они находились где-то левее, приблизительно в полутора километрах, и непохоже, чтобы приближались. Но уверенности в точности определения расстояния не было, опыта в таких расчетах не хватает, да и слух работает скверно. В одно ухо будто тугую пробку забили, почти ничего им не слышит, все заглушает звон монотонный, да и кровь из него подтекает. Должно быть, досталось при близком взрыве. Тогда, в самом начале, обстреливали очень даже серьезно, в том числе из гранатометов или даже ракетных установок.

Слышно, как сзади, издалека, приближается третья машина, похоже, немаленькая. Логично предположить, что это грузовик с пулеметом выбрался из карьера, а можно и что-то другое заподозрить – похуже и поопаснее. Там, внизу, он стоял с заглушенным двигателем, так что Трэш его по шуму идентифицировать не сможет.

Что бы это ни было, но оно усилит преследователей, а они и без того сильны. И самое плохое в этой ситуации то, что чем дольше он стоит на краю зарослей, размышляя об этом, тем ближе к нему подбираются.

Овраг оказался ответвлением громадной балки, именно она открылась впереди. Дальше склоны резко расходились в стороны, становились пологими и постепенно сливались с бортом главной низменности. Серьезная растительность в ней почти отсутствовала, зеленели лишь отдельные кусты и некрупные деревья, тоже одиночные. Трава низкая, что с учетом наличия пятен коровьих лепешек неудивительно, спрятаться в ней даже у человека не получится, а Трэш несопоставимо больше.

С его позиции невдалеке внизу просматривалась дорога, тянущаяся вдоль ручья, протекавшего по дну балки. Судя по нарастающему гулу мотора, именно ее используют преследова-

тели. Должно быть, собираются не позволить беглецу спуститься, задумали удержать в овраге, запертым среди глинистых обрывов. Не торопятся, планомерно обкладывают, у них тут целая операция по его уничтожению. Очень уж нервирует звук третьего мотора, он временами становится двойным, а то и тройным. Если предположить, что это группа машин, получается, враг устраивает кольцо окружения.

Овраг – единственное место, где есть укрытия, других таких поблизости Трэш не знает. Но это одновременно и ловушка, там не так много мест, откуда можно выскочить. Да и сверху он просматривается отлично, его легко взять под наблюдение малыми силами, не позволяя беглецу даже нос высунуть. Значит, возвращаться туда нельзя, хочешь не хочешь, а придется выбираться.

Прикидывая варианты дальнейших действий, Трэш уловил звук еще одного мотора, откровенно странный, не похожий на все прочие. Что-то явно не крупное, и направление на источник с трудом определяется.

Разобрался с причиной он быстро, как только сумел разглядеть, что двигатель установлен на мотодельтаплане. Ажурное летательное средство, приблизившись, начало описывать круги, держа овраг под контролем.

Ну все, теперь что ни делай, заметят. Но это, возможно, и к лучшему, не то Трэш уже задумал деревце с густой кроной вывернуть из земли и прикрываться им от взглядов врагов, которые вот-вот могут показаться на дороге.

Теперь подобные ухищрения бесполезны, вряд ли бегающее дерево укроется от взглядов с воздуха. Даже обнаружения с земли избежать таким способом – маловероятное везение. Значит, можно не тратить время на малоэффективные хитрости.

Трэш решительно развернулся направо, вышел из зарослей и, ковыляя изо всех сил, начал взбираться по склону оврага. Здесь он все еще оставался крутым, но нет отвесных обрывов, как в самом начале, даже в сложных местах можно удерживаться на ногах.

Если они в этот момент не устроят очередную забастовку.

* * *

Спроси сейчас Трэша, какое существо в мире является самым пакостным, он бы, не задумываясь, назвал мотоцикл. И что с того, что это техника, а не живое создание?

Ведь действительно, пакостнее не придумаешь.

Если быть точнее, пакостили ему два мотоциклиста, а техника, конечно, лишь косвенный виновник происходящего. Но Трэша сводил с ума именно стрекот мотора.

Людишки выбрали примитивную и беспроигрышную тактику. Пользуясь тем, что беглец двигался по лишенной укрытий степи, они подъезжали к нему метров на пятьсот, после чего спешили и открывали огонь из огромной крупнокалиберной винтовки. Попадали не всегда, но частенько. Пули броню не пробивали, но лупили по ней с такой дурью, что удары в корнях зубов отдавались и хотелось жестоко наказать виновников.

Трэш поначалу пытался. В смысле – наказать пытался. Но стоило ему только дернуться в сторону обидчиков, как трусливые твари забирались на мотоцикл и, не сильно торопясь, начинали удирать. Догнать их, ковыляя и все на свете проклиная, нечего и думать, зряшная потеря времени. Приходилось разворачиваться.

После разворота история повторялась: парочка подъезжала метров на пятьсот и начинала обстрел.

Оставалось одно – мчаться от них что есть сил, надеясь, что виднеющийся вдалеке провал окажется для них непреодолимым. В любом случае им приходилось то и дело оставлять винтовку в покое и раз за разом забираться на мотоцикл, чтобы уже не убегать, а, наоборот,

сокращать дистанцию. Эти действия выгодны для Трэша, можно отдохнуть от колотящих по броне пуль.

Мотоцикл остановился в очередной раз, но стрельбы не последовало. Трэш наконец добрался до провала. Он не прогадал, это очередной заросший зеленью овраг. Вряд ли мотоциклисты через него переберутся в этом месте, им придется делать объезд.

Надо успеть за выигранное время добраться до по-настоящему безопасных мест, пока еще кто-то не появился. Уши улавливают не такой уж далекий гул серьезных моторов. Преследователям на машинах тяжело приходится среди лабиринта овражно-балочной сети, но они не отстают.

* * *

Дельтаплан нервировал, пролетая на недостижимой высоте, не выпуская то шагающего, то бегущего корявой трусой Трэша. Он не оставлял его в покое от того самого оврага, быстро разглядел, поразительно быстро. Такое впечатление, что на этом легком аппарате установлен радар, замечающий костяную броню, или что-то другое.

Спасибо, что вооружения там нет, в таком случае Трэш бы далеко от оврага не ушел.

Да он и так не очень-то успеет от него удалиться, ведь рев двигателей нарастает, боевые машины забираются по крутому склону балки, скоро они окажутся наверху. И тогда Трэш умрет, потому что прятаться здесь негде. У него всего одна надежда, один шанс – впереди виднеется понижение, возможно, это очередной овраг и, возможно, его не успеют быстро обложить, оставят возможность ускользнуть.

Хотя надежды на это маловато, ведь шум нарастает и за спиной. Те самые, еще ни разу не показавшиеся машины подключились к преследованию. Должно быть, у дельтапланериста есть рация и он их наводит.

Впереди на траве что-то белело во множестве мест, ничего подобного Трэш до сего момента здесь не замечал и потому подобрался, изгибаясь к новым напастям. Но это оказались всего лишь кости коров и телят, они почему-то дружно умерли на пастбище, или их останки зачем-то сюда привезли. Последняя версия вызывает сомнения, потому что в таком случае разбрасывать их по округе нет никакого смысла, но картина именно такова – разбросали.

За спиной, в направлении ни разу не увиденных машин, загрохотали пулеметные очереди. Слишком далеко, чтобы испугать, явно не по Трэшу отрабатывают, но все равно напрягло.

Чего это они расшумелись? От нетерпения в воздух палят?

Все, он почти добежал, вот-вот – и долгожданный овраг.

Лишь бы только он оказался таким же заросшим, как и первый, все прочие варианты приведут к быстрой гибели.

Выскочив на край, Трэш настолько удивился и был сбит с толку, что даже остановился, не понимая, что же делать дальше. А все потому, что вместо оврага перед ним открылось нечто другое – река.

Широченная, не меньше пары сотен метров, если верить единственному, болезненно слезающемуся глазу. Течет меж возвышенных, местами обрывистых берегов, причем правый, тот, на котором сейчас стоит Трэш, лысый, а вот левый порос густым молодым сосняком, где дельтаплану придется худо. Там тяжело будет наблюдать за землей, а машинам вообще делать нечего, не проедут.

Контраст между берегами разительный, складывается впечатление, будто они принадлежат разным планетам или как минимум местностям. Выжженная летним зноем степь и сочно-зеленый сосновый бор – какое-то странное соседство, нестандартное.

Как же сильно хочется там оказаться...

Трэш понятия не имел, почему он хорошо ориентируется в некоторых далеко не очевидных вещах: в названиях боевых машин; в калибрах вооружения и принципах его действия; прекрасно понимает язык мучителей и определяет совсем уж скрытые от взора детали. Вспомнить хотя бы монитор, на который, по мнению Трэша, таращился господин Грэй из совета директоров. Пустяк?

Если бы...

Ведь Трэш никогда не видел такие мониторы, но почему-то знает об их существовании, знает, как они работают, знает даже то, что у них бывает высокое разрешение и оно улучшает качество изображения. Он знает множество разнообразных мелочей, но не знает самого главного: кто он такой, откуда взялся, почему все эти люди так бессердечно к нему относятся?

Хотя, похоже, они и друг друга не очень-то любят. Вспомнить женское тело, которое зачем-то подтащили к его клетке, а затем поспешно уволокли после недовольных высказываний безымянного капитана в маске с фильтром.

Это тело было выпотрошенным, с ввалившейся брюшиной и грудью. Должно быть, женщину пытали так же изощренно, как и Трэша.

Но вряд ли настолько же долго.

Люди слабы, до него им далеко. Но, возможно, в голове у них больше порядка. Потому как знание о себе – не единственное, чего ему остро не хватает. Трэш многого не знает, важного и не очень, в том числе не знает ответ на простейший вопрос – умеет ли он плавать.

Без этого ответа бросаться в широкую реку не хотелось.

Повернул голову вправо, затем влево, увидел там дорогу, выходящую из балки. Далее она никуда не сворачивала, протягивалась прямиком к реке. Точнее – к переброшенному через нее мосту.

Мост выглядел так же чужеродно, как и лес на другом берегу. Слишком широкий, красивый в своей подчеркнуто голой функциональности. Гору железа на него израсходовали, выглядит новехоньким. Но при этом его первый пролет чуть искривлен, его оконечность неловко упирается в береговой откос, дальше тянется полоска скудной травы шириной около метра, и лишь потом начинается дорога. Дорога невзрачная, грунтовая, с лужами, подсохшей грязью и глубокими колеями, ради такой никто не станет возводить столь серьезную переправу.

Но дело даже не в разнице качества, а в той самой полоске травы. Это что получается? Машины, доезжая до нее, перепрыгивают и летят до самого моста? Или останавливаются и сдают назад? Как такое может быть?!

И сама полоска выглядит чужой. Начать с того, что это вообще не полоска, это клин или, скорее, – сильно вытянутый треугольник, острой вершиной вбитый между мостом и дорогой. С высоты прекрасно видно, как он расширяется дальше, зелень на нем не похожа на степную, насыщенно-зеленым цветом даже вдалеке от степного фона отличается.

Складывается впечатление, что река с мостом и лесом за ней, пустошь с грунтовой дорогой и этот зеленый треугольник являются тщательно сшитыми лоскутами. Вот по шву даже оползень случился, береговой откос частично обрушился, частично наклонился, огромная трещина зияет.

Все это Трэш обдумывал уже на ходу. Наверху он и секунды не постоял, некогда время терять на любование необычными пейзажами. Мост – его шанс, ведь благодаря ему лезть в воду не придется. Как-нибудь в другой раз выяснит, хороший ли он пловец, а сегодня нет настроения экспериментировать.

Выжить получится лишь в одном случае – если Трэш доберется до леса и оторвется там от погони. Потом надо будет что-то сделать со своими ранами, катастрофическое ухудшение самочувствия тревожило куда больше, чем боль. Боль можно просто стерпеть, спасибо «добрым» людям, у него это уже начало входить в привычку, а вот отказывающиеся ноги с онемев-

шими ступнями, горящая огнем и негнувшаяся спина, кровь и омерзительная пена, продолжавшие сочиться из ран, – пугали и наводили на мысли похоронной тематики.

Метров триста до моста, еще столько же по нему, а там шагов сто, ну, может, сто пятьдесят, и можно будет показать дельтаплану неприличный жест.

Ерундовое расстояние в сравнении с уже пройденным, но истерзанное тело очень некстати начало капризничать конкретно. Ноги заплетались так, что Трэш то падал, то на четвереньки припадал, то кубарем скатывался с крутых участков склона. Зрение меркло, по-настоящему оно работало отдельными проблесками, слух перестал выдавать информацию о машинах преследователей, к горлу подкатил тошнотворный ком, мешая дышать.

Пытаясь заставить работать легкие, Трэш начал надсадно кашлять кровью. В этот момент зрение в очередной раз прояснилось, он увидел, что дельтаплан обнаглел через край, приблизился. Похоже, наблюдатель решил, что добыча находится при смерти.

Получается, даже с воздуха заметно, что дела плохи.

Чтобы попытаться хотя бы себе доказать обратное, Трэш ухватил подвернувшийся под руку окатанный камень размером чуть побольше кирпича и метнул его в дельтаплан. Разумеется, промазал, но наблюдатель отлетел чуть подальше, струсил.

Вот то-то.

Последний участок склона Трэш преодолел кувырком, даже не пытаясь зацепиться за сминаемые его телом кусты. Ноги подвели, катился до самого подножия. Решил, что, так и быть, проще подчиниться гравитации, чем с ней бороться, ведь она каждый раз побеждает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.